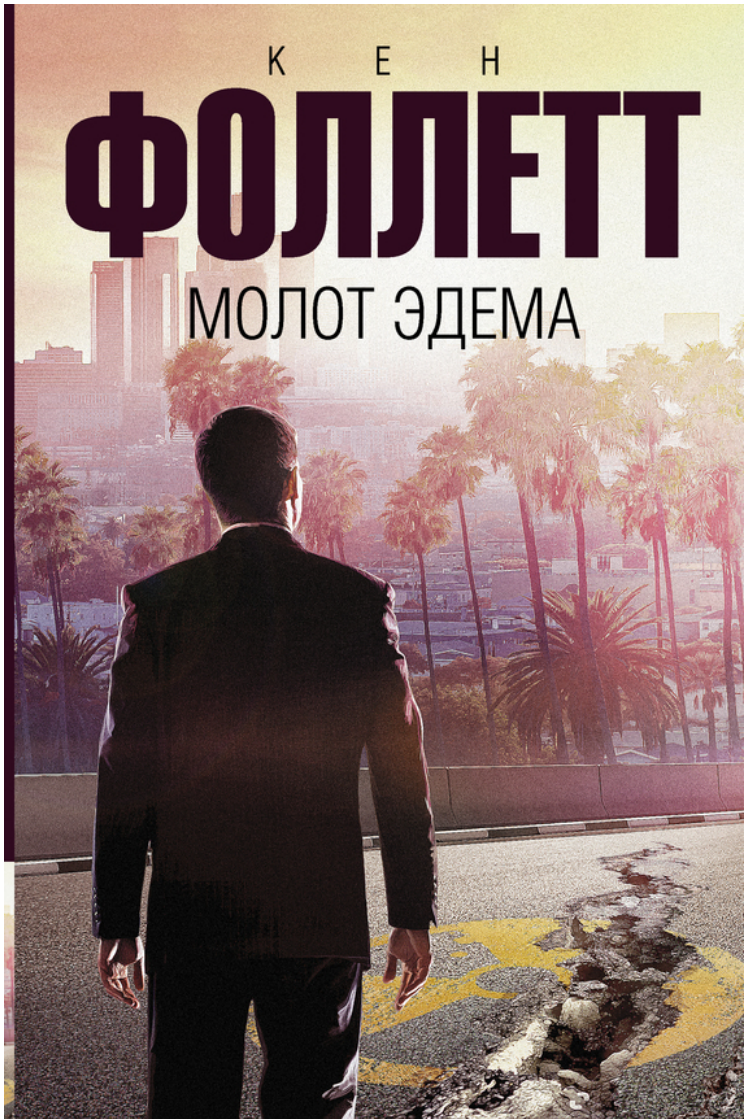

К Е Н

ФОЛЛЕТТ

МОЛОТ ЭДЕМА

Кен Фоллетт
Молот Эдема
Серия «Ф.О.Л.Л.Е.Т.Т.»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6720881

Молот Эдема: [роман] / Кен Фоллетт; [пер. с англ. В. Гольдича].: АСТ;

Москва; 2017

ISBN 978-5-17-103835-9

Аннотация

ФБР не верит нелепой информации... Губернатор и его люди отмахиваются от явного бреда... И только агент Джуди Мэддокс знает – Калифорнии скоро не станет!

Группа террористов заполучила экологическое оружие, способное вызвать самое страшное землетрясение за всю историю США. Заговорщики уже начали действовать. Отсчет пошел...

Содержание

Часть первая

5

Конец ознакомительного фрагмента.

157

Кен Фоллетт

Молот Эдема

Серия «Ф.О.Л.Л.Е.Т.Т.»

Ken Follett

THE HAMMER OF EDEN

Перевод с английского *В. Гольдича*

Компьютерный дизайн *О. Жуковой*

Печатается с разрешения автора.

© Ken Follett, 1998

© Перевод. В. Гольдич, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Часть первая

Четыре недели

Когда он ложился в постель, у него перед глазами всегда возникала одна и та же картина.

Холмы, заросшие сосновым лесом, густым, как мех на спине медведя. Яркое голубое небо так прозрачно, что на него больно смотреть. В нескольких милях от дороги в ущелье с почти вертикальными стенами прячется тайная долина с протекающей по ней холодной рекой, берущей свое начало в расселине. Здесь, скрытый от посторонних глаз, на южном склоне ровными рядами растет виноград.

Когда он вспоминает, как там красиво, ему кажется, что у него разорвется сердце.

Мужчины, женщины и дети медленно идут вдоль виноградника, ухаживают за ним. Здесь его друзья, его любимые, его семья. Одна из женщин, крупная, с длинными темными волосами, смеется. Он испытывает к ней особую симпатию. Она откидывает голову, широко раскрывает рот, и ее чистый высокий голос плывет над долиной подобно птичьим трелям. Некоторые мужчины негромко произносят молитвы, обращаясь к богам долины и виноградной лозы с просьбой о хорошем урожае. Тут и там из земли торчат огромные пни — напоминание о тяжелой работе, которую

пришлось проделать двадцать пять лет назад, когда они сюда пришли. Почва здесь каменистая, но это хорошо, поскольку камень сохраняет тепло солнца и согревает корни лозы, защищая их от смертоносного холода.

За виноградником виднеется несколько деревянных домов, простых, но надежных, прекрасно защищающих от непогоды. Над кухней поднимается дым. На поляне женщина учит мальчика делать бочки.

Это святое место, охраняемое тайной и молитвами. Оно остается чистым, населяющие его люди свободны, в то время как мир вокруг погряз в коррупции и лицемерии, зависти и грязи.

Но потом видение меняется.

Что-то случилось с быстрым холодным ручьем, питающим водой долину. Его журчание смолкло. Остался лишь темный водоем, тихий и словно неживой. Его берега кажутся неподвижными, но, если на несколько мгновений отвести взгляд, водоем начинает увеличиваться. Вскоре ему уже приходится подняться вверх по склону.

Он не понимает, почему остальные не замечают наступления черной воды. Когда она доходит до первых рядов виноградника, люди продолжают работать, хотя вода уже добралась до их ног. Она окружает дома, и вскоре они исчезают под ней. Гаснет кухонный очаг, пустые бочки плавают по разрастающемуся озеру.

«Почему они не убегают?» – задает он себе вопрос; его

охватывает паника.

Небо темнеет, появляются свинцовые тучи, холодный ветер цепляется за одежду, но люди продолжают расхаживать по винограднику, наклоняются и выпрямляются, улыбаются друг другу, спокойно переговариваются. Он единственный видит опасность и должен спасти от смерти хотя бы кого-нибудь из детей. Он хочет подбежать к дочери, но чувствует, что ноги увязли в грязи, он не может сдвинуться с места; его переполняет отчаяние.

На винограднике вода уже доходит людям до колен, потом до пояса, вот она поднялась до шеи. Он пытается крикнуть тем, кого любит, что им необходимо что-то делать – иначе они все погибнут, но, когда открывает рот, не может произнести ни звука. Теперь он охвачен ужасом.

Вода заливает открытый рот, он начинает захлебываться.

И только после этого наступает пробуждение.

1

Человек, которого звали Пастор, вглядывался в пустынные просторы южного Техаса, надвинув на лоб ковбойскую шляпу.

Всюду, куда ни кинешь взгляд, низкий чахлый кустарник мескитового дерева и полынь. Перед ним протянулась старая колея шириной в десять футов. Водители испанских буль-

дозеров называли колею *sendero*¹. Вдоль нее через каждые пятьдесят ярдов стояли яркие пластиковые флажки на коротких проволочных шестах. По *sendero* медленно катился грузовик.

Пастор собирался украсть грузовик.

Первый автомобиль он угнал, когда ему исполнилось одиннадцать лет, – новый, белый как снег «линкольн-континенталь» 1961 года выпуска стоял с ключами в замке зажигания, припаркованный рядом с театром «Рокси» на Южном Бродвее в Лос-Анджелесе. Пастор, которого в те дни называли Рикки, почти ничего не видел из-за рулевого колеса. Ему было так страшно, что он едва не обмочился, однако у него хватило мужества проехать десять кварталов и вручить ключи Джимми Райли по прозвищу Свиное Рыло, который дал ему пять долларов. Потом Райли поехал покататься с подружкой и разбил машину на автостраде. Так Рикки стал членом банды Свиного Рыла.

Но этот грузовик не был обычной машиной.

Пастор наблюдал, как мощный двигатель, находящийся за кабиной водителя, медленно опустил на землю массивную стальную плиту площадью в шесть квадратных футов. Наступила тишина, затем послышался грохот. Вокруг грузовика поднялась туча пыли, плита начала ритмично ударяться о почву. Пастор почувствовал, как задрожала под ногами земля.

¹ Тропа (исп.). – Здесь и далее примеч. пер.

Он наблюдал за сейсмическим вибратором, устройством, посылающим ударные волны сквозь кору земли. Пастор практически не учился в школе, образование получил, угоняя машины, но был самым умным человеком из всех, кого ему доводилось встречать. Он прекрасно понимал, как работает вибратор. Тот же принцип, что у радара или сонара. Волны отражаются от каких-то частей земли – камня или чего-то жидкого – и возвращаются к поверхности, где их улавливают специальные устройства, которые называются сейсмографы или геофоны.

Пастор работал оператором. На площади в одну квадратную милю на равных расстояниях расставили более тысячи геофонов. Всякий раз, когда начинал работать вибратор, сейсмографы фиксировали отраженные волны, а их, в свою очередь, записывал контролер, который находился в трейлере – все называли его конурой. Всю собранную таким образом информацию вводили в суперкомпьютер в Хьюстоне, чтобы получить трехмерную карту земной коры. Затем карты продавали нефтяным компаниям.

Вибраторы заработали энергичнее, казалось, океанский лайнер набирает скорость; затем стало тихо. Пастор пробежал вдоль *sendero* к грузовику, стараясь защитить глаза от взметнувшейся в воздух пыли. Распахнув дверцу, он взобрался в кабину. За рулем сидел приземистый темноволосый мужчина лет тридцати.

– Привет, Марио, – сказал Пастор, занимая место рядом

с водителем.

– Привет, Рикки.

На водительских правах Пастора (класс Б) значилось имя – Ричард Грейнджер. Права были поддельными, но имя настоящим.

В руках он держал блок сигарет «Мальборо», которые курил Марио. Пастор бросил сигареты на приборный щиток:

– Вот, я кое-что тебе принес.

– Послушай, ты вообще не должен покупать мне курево.

– Я постоянно стреляю у тебя сигареты.

Пастор вскрыл блок, вытащил пачку, распечатал ее и взял себе сигарету.

Марио улыбнулся:

– Почему бы тебе не купить сигареты себе?

– Проклятие. Я не могу позволить себе такую дорогую привычку.

– Да ты просто спятил, – рассмеялся Марио.

Пастор закурил. Он всегда легко сходился с людьми. На улицах, где прошло его детство, тебя бьют, если ты кому-то не нравишься, а Рикки был низкорослым мальчишкой. Поэтому он научился интуитивно понимать, чего от него ждут – уважения, любви, шуточек, – и тут же предоставлять желаемое. На нефтяных промыслах людей связывал юмор: чаще всего язвительный, иногда добродушный или непристойный.

И хотя Пастор провел здесь всего две недели, люди ему доверяли. Однако он еще не придумал, как украсть сейсми-

ческий вибратор. А задачу необходимо решить в ближайшие несколько часов, поскольку завтра грузовик должен перебраться в другое место, которое находилось в семистах милях отсюда, возле Кловиса, штат Нью-Мексико.

У него возник план – поехать вместе с Марио. Путешествие займет два или три дня – грузовик, который весил соток тысяч фунтов, даже на автостраде не мог развить скорость выше сорока миль в час. Где-нибудь по дороге он напоят Марио, а потом сбежит с грузовиком. Пастор надеялся придумать план получше, но пока ничего не получалось.

– Моя машина еле дышит, – сказал он. – Ты не подброшишь меня завтра до Сан-Антонио?

Марио удивился:

– А разве ты не собираешься в Кловис?

– Нет. – Пастор махнул рукой в сторону пустыни. – Ты только посмотри вокруг. Здесь так красиво, я не хочу уезжать из Техаса.

Марио пожал плечами. Люди его профессии часто меняли работу.

– Конечно, я тебя подвезу. – Правила компании запрещали брать пассажиров, но водители их постоянно нарушали. – Встретимся на свалке.

Пастор кивнул. На свалке, устроенной в довольно мрачной лощине, было полно ржавых автомобилей, разбитых телевизоров и рваных матрасов. Она находилась на окраине Шило, ближайшего города. Там никто не увидит, что Марио

берет его с собой, разве что мальчишки, стреляющие в змей из мелкашки.

– Во сколько?

– Ну, давай часов в шесть.

– Я захвачу кофе.

Пастору был необходим грузовик. От него зависела его жизнь. Ему ужасно хотелось прямо сейчас схватить Марио, вышвырнуть его из кабины и уехать. Но он понимал, что это не слишком хорошая идея. Во-первых, Марио на двадцать лет моложе, и с ним будет непросто справиться. Во-вторых, кражу не должны обнаружить в течение нескольких дней. Пастору нужно отогнать грузовик в Калифорнию и спрятать, прежде чем полиция начнет разыскивать похищенный сейсмический вибратор.

Радио в кабине запищало, показывая, что контролер записал данные, полученные после очередной серии замеров, и все прошло нормально. Марио поднял плиту и проехал ровно пятьдесят ярдов, остановившись точно у розового пластикового флажка. Потом он опустил плиту и послал сигнал готовности. Пастор внимательно наблюдал за его действиями, стараясь запомнить, в каком порядке Марио перемещает рычаги и переключатели. Потом у него не будет возможности задавать вопросы.

Они дожидались радиосигнала из конуры. Конечно, водитель и сам имел право принимать решения, но контролер предпочитал отдавать команду лично, включая дистанцион-

ное управление. Пастор докурил сигарету и выбросил окурок в окно. Марио кивнул в сторону машины Пастора, припаркованной в четверти мили на асфальтовом шоссе в две полосы:

– Твоя подружка?

Пастор посмотрел в ту сторону, куда показал Марио. Звезда вышла из грязно-голубой «хонды» и осталась стоять, опираясь на капот и обмахиваясь соломенной шляпой.

– Да, – ответил Пастор.

– Давай-ка я покажу тебе фотку. – Марио вынул из кармана джинсов потертый кожаный бумажник, вытащил из него снимок и протянул Пастору. – Это Изабелла, – гордо сказал он.

Пастор взглянул на хорошенькую мексиканку лет двадцати пяти, в желтом платье. Темные волосы перевязаны желтой лентой. На коленях она держала грудного ребенка, а рядом стоял смущенный темноволосый мальчик.

– Твои дети?

Марио кивнул:

– Росс и Бетти.

Пастор сдержал улыбку, услышав английские имена.

– Симпатичные ребяташки. – Он подумал о своих детях и едва не рассказал о них Марио, но в самый последний момент удержался. – Где они живут?

– В Эль-Пасо.

Неожиданно у Пастора возникла идея.

– Ты часто их видишь?

Марио покачал головой.

– Мне приходится много работать, приятель. Коплю деньги, чтобы купить дом. Настоящий, с большой кухней и бассейном во дворе. Они этого заслуживают.

Идея Пастора начала приобретать очертания, и он постарался скрыть возбуждение, небрежно проговорив:

– Да, красивый дом для красивой семьи?

– Именно, – улыбнулся Марио.

Прозвучал радиосигнал, и грузовик затрясло. Раздался грохот, напоминающий раскаты грома, только более ритмичные. Он начинался на басовых нотах, постепенно становясь все пронзительнее. Ровно через четырнадцать секунд наступила тишина.

Пастор щелкнул пальцами:

– Слушай, у меня появилась идея... Нет, пожалуй, ничего не получится.

– О чем ты?

– Не знаю, выйдет ли.

– Ты о чем, приятель?

– Мне пришла в голову одна мысль: у тебя красивая жена и симпатичные детки. Плохо, что ты так редко с ними встречаешься.

– Это твоя мысль?

– Нет. Вот что я хотел тебе предложить. Я могу отогнать грузовик в Нью-Мексико, а ты их наведишь, вот и все. –

Было важно не показать собственной заинтересованности. – Но, боюсь, у нас ничего не получится, – равнодушно добавил он.

– Да. Ничего не получится.

– Наверное. С другой стороны, давай прикинем. Если мы стартуем завтра рано утром и вместе доедем до Сан-Антонио, я могу подбросить тебя до аэропорта, и днем ты уже будешь в Эль-Пасо. Поиграешь с детьми, пообедаешь с женой, проведешь с ней ночь, а утром сядешь на самолет. Я подхвачу тебя в аэропорту Лаббока... Сколько от Лаббока до Кловиса?

– Девяносто или сто миль.

– Вечером того же дня мы будем в Кловисе. В крайнем случае утром. И никто не узнает, что ты не сидел за рулем все это время.

– Но ты же хотел выйти в Сан-Антонио.

Дерьмо. Эта деталь вылетела у Пастора из головы. Приходилось импровизировать на ходу.

– Знаешь, я никогда не бывал в Лаббоке, – беззаботно заявил он. – Кажется, именно там родился Бадди Холли.

– А кто, черт возьми, такой этот Бадди Холли?

Пастор пропел:

– «Я люблю тебя, Пегги Сью»... Бадди Холли умер до того, как ты родился, Марио. А мне он нравился даже больше, чем Элвис.

– И ты готов сесть за руль грузовика, чтобы я смог пови-

дать своих?

Пастор немного испугался: вдруг у Марио возникли подозрения? Или он просто ему благодарен?

– Конечно, – ответил он. – Если ты разрешишь мне курить твои сигареты.

Марио удивленно покачал головой:

– Ты отличный парень, Рикки. Я даже не знаю.

Нет, он ничего не заподозрил. Однако Пастор понимал, что Марио сомневается и давить на него не следует. Он постарался скрыть свое разочарование и небрежно бросил:

– Ну, подумай на досуге, у тебя еще есть время.

– Если что-нибудь случится, я могу потерять работу.

– Можешь, – ответил Пастор, сдерживая нетерпение. – Давай поговорим об этом позже. Ты собираешься сегодня зайти в бар?

– Обязательно.

– Ну, там и скажешь, что решил.

– Ладно, договорились.

Вновь загудело радио, и Марио поднял плиту.

– Мне пора возвращаться, – сказал Пастор. – Нам до заката нужно свернуть несколько миль кабеля. – Он отдал Марио его фотографию и распахнул дверь. – Вот что я тебе скажу, дружище: будь у меня такая хорошенькая женушка, я бы вообще не выходил из дома.

Он ухмыльнулся, прыгнул на землю и захлопнул дверцу.

Грузовик подъехал к следующему флажку, а Пастор, за-

гребая пыль ковбойскими сапогами, зашагал по своим делам.

Он подошел к тому месту, где стояла его машина, возле нее нетерпеливо расхаживала Звезда.

Когда-то она была знаменита. Впрочем, недолго. В самый разгар эры хиппи Звезда жила в Хайт-Эшбери, пригороде Сан-Франциско. Тогда Пастор ее еще не знал – он провел конец шестидесятых годов в заработке своего первого миллиона долларов, – но ему не раз доводилось слышать рассказы о ее успехах. Звезда была ошеломляюще красива – высокая, темноволосая, с великолепной фигурой, напоминающей песочные часы. Она записала пластинку, на которой вместе с группой, носившей название «Дождь из свежих маргариток», декламировала стихи под психоделическую музыку. Альбом имел успех, и Звезда на несколько дней прославилась.

Но легендой она стала благодаря своей неистребимой любви к плотским утехам. Она могла заниматься сексом со всяким, кто хотя бы ненадолго ее заинтересовал: с нетерпеливыми двенадцатилетними подростками, удивленными своим везением мужчинами, достигшими шестидесяти, мальчиками, считавшими себя голубыми, и девушками, не подозревавшими о том, что они лесбиянки. В ее постели побывали друзья, которых она знала долгие годы, и незнакомцы, только что встреченные на улице.

Это было много лет назад. Теперь ей оставалось всего

несколько недель до пятидесятилетия, и в ее волосах появились седые пряди. Однако фигура Звезды не потеряла прежнего великолепия. Конечно, она больше не походила на песочные часы: теперь Звезда весила сто восемьдесят фунтов. Однако она по-прежнему обладала поразительной сексуальной привлекательностью. Стоило ей войти в бар, как все до единого мужчины начинали на нее таращиться.

Даже сейчас, когда ей было жарко и ее мучила тревога, в походке Звезды чувствовалось приглашение к сексу, тонкое платье из хлопка больше открывало, чем скрывало, и Пастору захотелось овладеть ею прямо здесь и сейчас.

– Что произошло? – спросила она, когда он подошел поближе.

Пастор всегда вел себя как победитель.

– Выглядит превосходно, – заметил он.

– А звучит паршиво, – скептически ответила она.

Звезда знала, что не следует принимать всерьез то, что он говорит.

Пастор рассказал ей о предложении, которое он сделал Марио.

– Самое замечательное, что во всем обвинят Марио, – добавил он.

– Почему?

– Сама подумай. Он доберется до Лаббока и начнет меня разыскивать. Однако ни меня, ни грузовика там не будет. Он сообразит, что его обманули. И как Марио поступит? Неуже-

ли отправится в Кловис и сообщит компании, что потерял грузовик? Я так не думаю. В лучшем случае его уволят. В худшем – обвинят в краже грузовика и посадят в тюрьму. Могу спорить, что он даже не поедет в Кловис. Он тут же сядет в самолет, вернется в Эль-Пасо, посадит жену и детей в автомобиль и исчезнет. И тогда полиция будет уверена, что грузовик украл Марио. Рикки Грейнджер даже не попадет в список подозреваемых.

Она нахмурилась:

– Замечательный план. А если он не клюнет на приманку?

– Клюнет. Я почти уверен.

Звезда встревожилась еще сильнее и ударила ладонью по грязному кузову машины:

– Черт! Нам необходим этот проклятый грузовик!

Пастор был встревожен не меньше, но постарался скрыть свое беспокойство.

– Мы его получим. Так или иначе.

Она надела соломенную шляпу, оперлась спиной о машину и закрыла глаза.

– Хотела бы я иметь твою уверенность.

Он погладил ее по щеке.

– Не хотите ли прокатиться, леди?

– Да, пожалуйста. Отвези меня в мой номер с кондиционером.

– Придется заплатить.

Она удивленно раскрыла глаза и разыграла невинность:

– Мне придется сделать что-нибудь нехорошее, мистер?
Его рука скользнула в вырез ее платья.

– О да.

– Проклятие, – проговорила она и подняла подол до самой талии.

Оказалось, что Звезда не надела нижнего белья.

Пастор ухмыльнулся и начал расстегивать джинсы.

– А что подумает Марио, если увидит нас? – спросила она.

– Будет завидовать, – ответил Пастор, входя в нее.

Они были почти одного роста, и слияние произошло с удивительной легкостью, которая дается долгими годами практики.

Она поцеловала его в губы.

Через несколько мгновений Пастор услышал, как к ним приближается автомобиль. Оба, не прекращая своего занятия, посмотрели в его сторону. Грузовичок-пикап с тремя рабочими на переднем сиденье. Мужчины видели, что происходит, и, проезжая мимо, радостно завопили.

Звезда помахала им рукой:

– Привет, ребята!

Пастор так громко рассмеялся, что не выдержал и кончил.

Кризис вступил в заключительную, решающую фазу ровно три недели назад.

Они сидели за длинным столом в кухне и ели чечевичную похлебку со специями, овощами и свежим теплым хлебом,

когда вошел Пол Бейл с конвертом в руке.

Пол разливал по бутылкам вино, которое они производили, но его функции на этом не заканчивались. Он был их связью с внешним миром, помогая заключать сделки и не вступать в прямой контакт.

Лысый бородатый человек в кожаной куртке дружил с Пастором еще с тех пор, как четырнадцатилетними хулиганами они грабили пьяных на дне Лос-Анджелеса в начале шестидесятых.

Пастор сообразил, что Пол получил письмо утром, тут же сел в автомобиль и приехал сюда из Напа. Он догадывался, что написано в письме, но ждал, когда Пол все объяснит.

– Письмо из Бюро по управлению государственными землями, адресованное Стелле Хиггинс, – сказал Пол и протянул его Звезде, сидевшей напротив Пастора.

На самом деле ее звали Стелла Хиггинс, под этим именем она арендовала участок земли в министерстве внутренних дел осенью 1969 года.

Все, кто сидел за столом, замолчали. Даже дети притихли, почувствовав беспокойство взрослых.

Звезда разорвала конверт, вынула листок бумаги и прочитала короткое обращение.

– Седьмое июня, – сказала она.

– Осталось пять недель и два дня, – задумчиво проговорил Пастор.

Подобные вычисления он делал моментально.

Несколько человек застонали от отчаяния. Женщина, которую называли Мелодия, тихо заплакала. Один из сыновей Пастора, десятилетний Ринго, спросил:

– Но почему, Звезда, почему?

Пастор перехватил взгляд Мелани, появившейся здесь последней. Высокая худая женщина, которой недавно исполнилось двадцать восемь лет, была очень красива: бледная кожа, длинные рыжие волосы и тело модели. Ее пятилетний сын Дасти сидел рядом с ней.

– Что? – потрясенно проговорила Мелани. – Что это значит?

Все знали, о чем идет речь, но никто не нашел в себе мужества рассказать Мелани.

– Мы должны покинуть долину, – сказал Пастор. – Мне очень жаль, Мелани.

Звезда зачитала отрывок из письма:

– «Упомянутый выше участок земли станет опасным для людей после седьмого июня, поэтому ваше право на аренду заканчивается в соответствии со статьей девятой, часть Б, параграф второй, вашего договора».

Мелани встала. Ее белая кожа покраснела, красивое лицо исказилось от ярости.

– Нет! – закричала она. – Нет! Они не могут так со мной поступить – я совсем недавно вас нашла! Я не верю, это ложь. – Она обратила свою ярость на Пола. – Лжец! – завопила она. – Мерзкий долбанный лжец!

Ее сын расплакался.

– Прекрати! – возмущенно сказал Пол. – Я всего лишь долбаный почтальон.

Все зашумели.

Пастор подошел к Мелани, обнял ее за плечи и зашептал на ухо:

– Ты пугаешь Дасти. Присядь. У тебя имеются все основания возмущаться. У каждого из нас они есть.

– Скажи, что это неправда, – умоляюще проговорила она.

Пастор мягко усадил ее на стул.

– Правда, Мелани.

Когда все успокоились, Пастор сказал:

– Давайте вымоем посуду и вернемся к работе.

– Зачем? – спросил Дол, винодел. Он не принадлежал к основателям коммуны, поскольку, разочаровавшись в мире коммерции, появился здесь лишь в восьмидесятых. После Пастора и Звезды он был самым значительным лицом в группе. – Во время сбора урожая нас здесь уже не будет. Зачем работать?

Пастор обратил на него свой гипнотический взгляд, который не действовал лишь на людей с очень сильной волей. Дождался, пока все замолчат, и только после этого сказал:

– Потому что иногда случаются чудеса.

Местный закон запрещал продавать алкогольные напитки в городе Шило, штат Техас, но по другую сторону границы

находился бар, который назывался «Лоза», где подавали дешевое пиво. Здесь играла живая музыка в стиле кантри, а официантки носили обтягивающие голубые джинсы и ковбойские сапоги.

Пастор пришел один. Он не хотел, чтобы здесь запомнили лицо Звезды. Он вообще жалел, что она приехала в Техас. Однако он нуждался в помощи – одному ему не доставить сейсмический вибратор домой. Они будут ехать день и ночь, сменяя друг друга и принимая стимуляторы, чтобы не заснуть за рулем. Они хотели вернуться домой до того, как будет обнаружена пропажа грузовика.

Пастор жалел о своей сегодняшней несдержанности. Марио видел Звезду с расстояния в четверть мили, трое рабочих из пикапа едва ли успели разглядеть ее на ходу, но у Звезды запоминающаяся внешность, вероятно, они смогут ее описать: высокая плотная белая женщина с длинными темными волосами...

Перед приездом в Шило Пастор изменил внешность, отрастил густую бороду и усы, а длинные волосы заплел в косу, которую спрятал под шляпу.

Впрочем, если все пойдет по плану, никто не станет спрашивать о нем или о Звезде.

Когда он вошел в «Лозу», Марио уже сидел за столом вместе с пятью или шестью рабочими из их команды, а также боссом, Ленни Петерсоном.

Стараясь не показывать своего нетерпения, Пастор купил

у стойки бутылку пива и, обменявшись несколькими фразами с барменшей, принялся потягивать горьковатый напиток. Только после этого он подошел к столику, за которым сидел Марио.

Ленни был лысеющим человеком с красным носом. Две недели назад он принял Пастора на работу. Тот вечер Пастор провел в баре, где потихоньку накачивался пивом, стараясь завязать дружеские отношения со всеми членами бригады, запоминая жаргон сейсмологов и громко хохоча над шутками Ленни. На следующее утро он попросил Ленни взять его на работу.

– Только с испытательным сроком, – предложил Ленни.

Ничего другого Пастору и не требовалось.

Он умел работать, быстро всему учился, легко находил со всеми общий язык. Очень скоро Пастор стал своим в бригаде.

Когда он уселся за общий стол, Ленни сказал со своим ленивым техасским акцентом:

– Рикки, ты решил не ехать с нами в Кловис?

– Точно, – ответил Пастор. – Мне нравится местная погода.

– Ну, должен признать, что иметь с тобой дело было приятно, жаль, что наше знакомство получилось совсем коротким.

Остальные начали ухмыляться, ожидая остроумного ответа Пастора.

Он сделал серьезное лицо и сказал:

– Ленни, вы были со мной так любезны и добры, что я хочу спросить вас еще раз: вы выйдете за меня замуж?

Все расхохотались. Марио хлопнул Пастора по спине.

Ленни с большим сожалением отвечал:

– Ты знаешь, что я не могу выйти за тебя, Рикки. И я уже говорил почему. – Он сделал паузу для пущего драматического эффекта и наклонился вперед. – Я лесбиянка.

Вся компания принялась смеяться. Пастор грустно улыбнулся, признавая свое поражение, и заказал для всех по бутылке пива.

Заговорили о бейсболе. Большинство симпатизировало «Хьюстон астрос», но Ленни родился в Арлингтоне и болел за «Техасских рейнджеров». Пастор не интересовался спортом, поэтому ему оставалось только ждать, изредка вставляя нейтральные замечания. У всех было прекрасное настроение. Они сумели закончить работу вовремя, им хорошо заплатили, подошел вечер пятницы. Пастор медленно потягивал пиво. Он никогда не пил много: жизнь научила его не терять контроль над своими действиями. Он наблюдал за Марио, который заглатывал одну кружку пива за другой. Когда Тамми, официантка, принесла ему очередную кружку, Марио с тоской посмотрел на ее грудь, туго натягивающую клетчатую рубашку.

Продолжай мечтать, Марио, – ты можешь оказаться в постели со своей женой уже завтра ночью.

Примерно через час Марио вышел в туалет.

Пастор последовал за ним.

Хватит ждать, пришло время принимать решение.

Он встал рядом с Марио и сказал:

– Могу спорить, сегодня Тамми надела черное нижнее белье.

– Откуда ты знаешь?

– Я заметил, когда она наклонилась над столом. Мне всегда нравились кружевные лифчики.

Марио вздохнул.

– А тебе нравятся женщины в черном нижнем белье? – не унимался Пастор.

– Я предпочитаю красное, – уверенно ответил Марио.

– Да, красное тоже неплохо. Говорят, если женщина надевает красное белье, значит, она действительно тебя хочет.

– Ты точно знаешь?

Дыхание Марио заметно участилось.

– Да, я где-то слышал, – сдержанно ответил Пастор. – Послушай, мне пора. Моя подруга ждет меня в мотеле.

Марио улыбнулся и вытер пот со лба.

– Я видел тебя с ней сегодня, приятель.

Пастор с шутливым огорчением покачал головой:

– Это моя слабость. Не могу отказать женщине с хорошенькой мордашкой.

– Ты занимался любовью прямо на проклятой дороге!

– Верно. Ну, когда ты давно не видел свою подружку, она

начинает испытывать нетерпение – ты ведь знаешь, о чем я говорю?

Ну, давай, Марио, неужели ты не понимаешь моих намеков?

– Да, знаю. Послушай, насчет завтрашнего дня...

Пастор затаил дыхание.

– Ну, если ты действительно готов мне помочь...

Да! Да!

– ...то давай так и сделаем.

Пастор с трудом удержался от желания обнять Марио.

– Ты не передумал? – с тревогой спросил Марио.

– Нет, конечно, приятель. – Пастор обнял Марио за плечи, и они вышли из туалета. – Для чего еще нужны друзья, если ты понимаешь, о чем я?

– Спасибо тебе. – На глазах Марио показались слезы. – Ты классный парень, Рикки.

Они вымыли фаянсовые миски и деревянные ложки в большом чане с теплой водой и вытерли полотенцем из старой рубашки. Мелани сказала Пастору:

– Ну, мы можем начать в другом месте! Найти кусок земли, построить деревянные хижины, посадить виноградник, будем снова делать вино. Почему бы и нет? Ведь много лет назад все так и произошло.

– Верно, – не стал спорить Пастор.

Он поставил свою миску на полку и бросил ложку в ящик.

На мгновение он вновь стал молодым, сильным, как пони, и полным энергии, уверенным в том, что сумеет решить любую проблему, которую поставит перед ним жизнь. Он вспомнил удивительные запахи тех дней: свежесрубленного дерева; юного тела Звезды, покрытого капельками пота от тяжелой физической работы; марихуаны, выращенной на поляне в лесу; одуряюще сладкий аромат раздавленного винограда. Потом он вернулся в настоящее и уселся на стол.

– Много лет назад, – повторил он, – мы почти бесплатно взяли у правительства эту землю в аренду, а потом они о нас забыли.

– За двадцать девять лет они ни разу не повысили арендную плату, – добавила Звезда.

– Мы расчистили лес. Тогда нас было тридцать или даже сорок молодых людей, готовых работать бесплатно по двенадцать, а иногда и четырнадцать часов в день ради достижения цели, – продолжал Пастор.

Пол Бейл усмехнулся:

– У меня спина начинает болеть, когда я вспоминаю о тех днях.

– Мы практически бесплатно получили лозу у доброго виноградаря из долины Напа, который хотел поддержать молодых людей, готовых заниматься чем-нибудь полезным, вместо того чтобы целыми днями курить травку.

– Старина Реймонд Делавалль, – вздохнул Пол. – Он давно умер, да благословит его Бог.

– Но самое главное, мы были готовы вести нищенское, полуголодное существование, спать на полу, ходить в рваной обуви. Целых пять лет. Пока не удалось получить первое приличное вино.

Звезда взяла на руки ползающего по полу ребенка, вытерла ему нос и сказала:

– И тогда нам не нужно было заботиться о детях.

– Вот именно, – кивнул Пастор. – Если бы условия были прежними, мы сумели бы начать все сызнова.

Слова Пастора не убедили Мелани.

– Но должен же существовать какой-то выход!

– Конечно, – сказал Пастор. – И Пол его нашел.

Пол кивнул:

– Можно основать корпорацию, взять в банке заем в четверть миллиона долларов, нанять рабочих и превратиться в жадных капиталистов, интересующихся только своими доходами.

– Но это будет означать, что мы сдаемся, – заявил Пастор.

В субботу утром Пастор и Звезда встали затемно. Пастор принес кофе из закусочной, расположенной напротив мотеля. Пока он ходил, Звезда изучала дорожный атлас.

– Ты высадишь Марио возле аэропорта в Сан-Антонио около десяти часов утра, – сказала она. – Затем выедешь из города по дороге номер десять.

Пастор не стал заглядывать в атлас. Карты всегда сбивали

его с толку. Он предпочитал следовать знакам И-10.

– Где мы встретимся?

Звезда сделала несложные подсчеты.

– Я буду примерно на час тебя опережать. – Она указала на карту. – Вот место на И-10, которое называется Леон-Спрингс, в пятнадцать милях от аэропорта. Я припаркую машину так, чтобы ты сразу ее заметил.

– Грамотно.

Оба страшно волновались. Похищение грузовика Марио – лишь первый, но очень важный шаг их плана: все остальное зависело от него. Звезду беспокоили детали.

– Что мы сделаем с «хондой»?

Пастор купил машину три недели назад за тысячу долларов наличными.

– Ее будет трудно продать. Если нам попадется место, где торгуют подержанными машинами, можем получить пятьсот долларов. Иначе придется бросить ее где-нибудь в лесу между штатами.

– Мы можем себе это позволить?

– Деньги делают человека нищим, – процитировал Пастор один из Пяти Парадоксов Баграма, гуру, по заветам которого они жили.

Пастор до последнего цента знал, сколько у них денег, но скрывал от всех остальных. Большинство членов коммуны даже не подозревали о существовании банковского счета. И никто в целом свете не знал о десяти тысячах долларов в

двадцатках, которые он хранил внутри корпуса старой акустической гитары, висящей на стене его хижины.

Звезда пожала плечами:

– Я не тревожилась о деньгах целых двадцать пять лет, нет смысла начинать сейчас.

Она сняла очки для чтения.

Пастор улыбнулся ей:

– Ты выглядишь очень мило в очках.

Звезда искоса посмотрела на него и неожиданно спросила:

– Ты скучаешь по Мелани?

Пастор и Мелани были любовниками. Он взял Звезду за руку.

– Конечно, – сказал он.

– Я рада, что ты с ней. Она делает тебя счастливей.

Пастор вдруг вспомнил Мелани. Она спит лицом вниз на его кровати, утренние лучи солнца пробиваются в окно. Он сидит, пьет кофе и смотрит на нее, любясь ее белой кожей, идеальным изгибом бедра и длинными рыжими волосами, рассыпанными по спине. Вскоре она почувствует аромат кофе, перевернется на спину и откроет глаза. И тогда он заберется в постель и они займутся любовью. Пастор представлял, как коснется ее кожи, а потом обнимет, он наслаждался предвкушением этого чудесного мгновения, словно бокалом превосходного вина.

Видение потускнело, и у него перед глазами возникло со-

рока девятилетнего лица Звезды в дешевом тexasском отеле.

– Тебя мучает моя связь с Мелани? – спросил Пастор.

– Брак есть измена, – ответила она, процитировав другой Парадокс.

Он кивнул. Они никогда не требовали друг от друга верности. В начале их связи именно Звезда всячески смеялась над идеями моногамной любви. Затем, когда ей исполнилось тридцать и она стала понемногу успокаиваться, Пастор испытал ее терпимость, сменив на глазах подруги целую серию любовниц. Но в последние несколько лет, хотя они продолжали верить в свободную любовь, оба практически не пользовались ее преимуществами.

Поэтому Мелани оказалась для Звезды большой неожиданностью, но женщина не стала возражать. Их отношения с Пастором уже давно определились. Он любил Звезду, но ее с трудом скрываемая тревога давала ему приятное чувство контроля над ней.

Она крутила в руках пластиковую чашку с кофе.

– Интересно, что чувствует Роза?

Роза была их тринадцатилетней дочерью, самым старшим ребенком в коммуне.

– Она росла не в обычной семье, – ответил Пастор. – Мы не сделали из нее рабыню буржуазных условностей. В этом и состоит главная задача коммуны.

– Да, – согласилась Звезда, которая никак не могла успокоиться. – Я просто не хочу, чтобы она тебя потеряла, вот

и все.

Он погладил ее руку.

– Она меня не потеряет.

Звезда сжала его пальцы:

– Спасибо.

– Нам нужно идти, – сказал Пастор, вставая.

Они сложили вещи в три пластиковые сумки, Пастор вынес их на улицу и положил рядом с «хондой». Звезда вышла за ним.

Счет они оплатили накануне вечером. Офис был еще закрыт, никто не видел, как Звезда села за руль и они уехали, когда на смену ночи пришел серый рассвет.

Шило состоял из двух улиц с одним светофором на перекрестке. В ранние часы субботнего утра здесь почти не было машин. Звезда проехала на красный свет, и вскоре они оставили городок за спиной. К свалке «хонда» подъехала, когда до шести оставалось несколько минут.

Здесь не было ни вывески, ни ограды, ни ворот, лишь колея от колес грузовиков среди зарослей полыни. Звезда въехала на холм. Свалка находилась в небольшой впадине, которую не было видно со стороны дороги. Она остановила машину возле тлеющей кучи мусора. Ни Марио, ни грузовика.

Пастор видел, что Звезда все еще встревожена.

Нужно ее успокоить, подумал он. Сегодня ей нельзя волноваться. Если что-то пойдет не так, она должна быть наготове.

– Роза меня не потеряет, – заявил он.

– Это хорошо, – осторожно сказала Звезда.

– Мы трое никогда не разлучимся. Знаешь почему?

– Скажи мне.

– Потому что мы любим друг друга.

Он увидел, как она облегченно вздохнула и расслабилась.

На глазах у Звезды появились слезы.

– Спасибо тебе, – сказала она.

Пастор почувствовал себя лучше – ему удалось дать Звезде то, в чем она нуждалась. Теперь с ней все будет в порядке.

Пастор поцеловал ее.

– Марио приедет с минуты на минуту. Тебе лучше уехать.

– Ты не хочешь, чтобы я его дождалась?

– Он не должен тебя видеть. Никто не знает, что нас ждет в будущем, и я не хочу, чтобы он тебя запомнил.

– Хорошо.

Пастор вышел из машины.

– Эй, – сказала она, – не забудь кофе для Марио.

Звезда протянула ему пластиковый стакан.

– Спасибо.

Пастор взял стакан и захлопнул дверцу.

Она развернулась и уехала, оставив за собой тучу пыли.

Пастор огляделся. Поразительно – как такой маленький город способен производить столько мусора: сломанные велосипеды и новенькие детские коляски, грязные диваны и старые холодильники, а также не меньше десятка тележек

из супермаркета. И еще горы упаковочного материала: коробки из-под стереосистем, куски полистирола, напоминающие абстрактные скульптуры, бумажные и полиэтиленовые мешки, фольга и множество пластиковых контейнеров из-под веществ, которые Пастор никогда не использовал: моющие средства, шампуни, кондиционеры, добавки для смягчения тканей, красящие порошки. Еще он увидел волшебный замок, сделанный из розового пластика, вероятно, это была детская игрушка, и он удивился напрасной трате сил и энергии.

В долине Серебряной реки никогда не было такого мусора. Они не пользовались детскими колясками и холодильниками и крайне редко покупали что-то в пластиковых упаковках. Дети включали свое воображение и вырезали замки из дерева.

Подернутое дымкой красное солнце показалось над горизонтом, и длинная тень Пастора упала на ржавый каркас кровати. Он вдруг вспомнил о восходе солнца над снежными пиками Сьерра-Невады и затосковал о свежем, прохладном горном воздухе.

Скоро, скоро.

Что-то блеснуло у него под ногами. Из земли торчал блестящий металлический предмет. Пастор лениво поскреб сухую землю мыском сапога, наклонился и поднял свою находку – тяжелый разводной ключ, почти новый. *Возможно, он пригодится Марио*, подумал Пастор. Впрочем, в грузови-

ке наверняка имеется полный набор инструментов. Марио точно не возьмет ключ. Нет, здесь слишком любят все выбрасывать.

Пастор отбросил ключ в сторону. И услышал шум мотора, но сразу определил, что это не тяжелый грузовик. Он посмотрел в сторону холма. На него въезжал желто-коричневый пикап «додж» с треснутым ветровым стеклом – машина Марио. Пастор заволновался. Что случилось? Марио должен был приехать на сейсмическом вибраторе. Его собственную машину обещал отогнать на север один из приятелей, если только Марио не решил продать ее здесь, а в Кловисе купить другой автомобиль. Похоже, произошло что-то непредвиденное.

– Черт! – пробормотал Пастор. – Черт!

Он постарался скрыть свое огорчение, когда Марио остановил пикап и вышел из него.

– Я принес тебе кофе, – сказал он Марио, протягивая пластиковый стаканчик. – Что произошло?

Марио, не раскрывая стаканчика, печально покачал головой:

– Я не могу.

Черт!

– Я ценю твое предложение, но должен отказаться.

Проклятие, что все это значит?

Пастор стиснул зубы и постарался говорить небрежно:

– Почему ты передумал?

– После того как ты вчера ушел, Ленни произнес длинную речь о том, как дорого стоит грузовик и что мне никого не следует подвозить. И как он мне доверяет и все такое прочее.

Могу себе представить, как Ленни, красноносый урод, заставил тебя плакать пьяными слезами, Марио, проклятый сукин сын.

– Ну, ты и сам все понимаешь, Рикки. У меня хорошая работа – конечно, приходится вкалывать, но и платят неплохо. Я не хочу ее потерять.

– Никаких проблем, – небрежно ответил Пастор, – если ты подбросишь меня до Сан-Антонио.

А за это время я успею что-нибудь придумать.

Марио покачал головой:

– После того, что сказал Ленни, боюсь, мне придется тебе отказать. Я больше никого не посажу в кабину грузовика. Вот почему я приехал на своей машине – не оставлять же тебя здесь, на свалке.

Ну и что мне теперь делать?

– Куда тебя отвезти? – спросил Марио.

И что мне теперь делать?

Пастор построил замок из дыма, и теперь прямо у него на глазах его разрушил легкий ветерок нечистой совести Марио. Пастор провел две недели в жаркой пыльной пустыне, выполняя бесполезную, дурацкую работу, потратил сотни долларов на авиабилеты, мотели и отвратительную пищу в кафе.

У него больше не осталось времени – до срока, указанного в письме, всего две недели и один день.

Марио нахмурился.

– Ну, поехали, – сказал он.

– Я не намерена отказываться от нашего дома, – сказала Звезда Пастору во время обеденного перерыва в тот день, когда пришло письмо. Она сидела рядом с ним на ковре из сосновых иголок на краю виноградника, пила холодную воду и ела изюм прошлогоднего урожая. – Это не просто ферма, где выращивают виноград, не просто долина и не просто коммуна – я вложила в нее всю свою жизнь. Мы пришли сюда много лет назад, считая, что наши родители создали общество, развращенное обманом и коррупцией. Видит Бог, мы были правы!

Ее лицо покраснелось, и Пастор подумал, что Звезда до сих пор красива.

– Достаточно посмотреть на внешний мир, – продолжала она громче. – Насилие, уродство, грязь, президенты, которые лгут и нарушают законы, бесчинства, преступления и нищета. Между тем мы живем здесь год за годом в мире и гармонии, без денег, ревности и конфронтации. Мы говорим, что нуждаемся только в любви, а они называют нас наивными, но правы мы, а не они. Мы знаем, что живем правильно, – мы это доказали.

Она говорила четко и аргументированно, сказывалось

происхождение — ее отец родился в богатой семье, но всю жизнь проработал врачом в бедных кварталах. Звезда унаследовала его идеализм.

— Я сделаю все, чтобы спасти наш дом и образ жизни, — продолжала она. — И я готова умереть, чтобы наши дети остались на этой земле. — Она немного успокоилась, но в ее голосе звучала прежняя решимость. — И я готова убивать ради нашего будущего. Ты меня понимаешь, Пастор? Я готова на все.

— Ты меня слушаешь? — нетерпеливо повторил Марио. — Тебя подвезти в город? Или ты останешься здесь?

— Конечно, — ответил Пастор.

Конечно, вонючий ублюдок, трусливый пес, отвратительный подонок, конечно, я хочу, чтобы ты меня подвез.

Марио отвернулся.

Взгляд Пастора остановился на разводном ключе, который он несколько минут назад бросил на землю.

И у него возник новый план.

Пока Марио шел к машине, Пастор наклонился и поднял стальной ключ.

Он был длиной примерно в восемнадцать дюймов и весил четыре или пять фунтов. Большая часть веса приходилась на верхнюю часть.

Пастор быстро огляделся. Никого.

Ни одного свидетеля.

Марио протянул руку, чтобы открыть дверцу машины, и Пастор сделал быстрый шаг вперед.

И неожиданно вспомнил фотографию хорошенькой молодой мексиканки в желтом платье с двумя детьми. На мгновение его оставила решимость – Пастор понял, какое горе он принесет в их жизнь.

Но тут у него перед глазами возникла еще более страшная картина: черная вода медленно поднимается, чтобы поглотить плантации и утопить мужчин, женщин и детей, ухаживающих за виноградом.

Он подбежал к Марио и занес ключ у него над головой.

Марио открывал дверцу машины. Должно быть, он что-то заметил краем глаза – в самый последний момент, когда Пастор находился уже совсем рядом, он закричал от страха и распахнул дверцу, пытаясь хоть как-то защититься.

Пастор врезался в дверь, которая отлетела на Марио. Дверь оказалась тяжелой и едва не сбила Марио с ног. Он потерял равновесие и рухнул на колени. Бейсбольная шапочка «Хьюстон астрос» упала в грязь. Но и самому Пастору не удалось устоять на ногах – он тяжело плюхнулся на твердую землю и уронил разводной ключ, который ударился в бутылку кока-колы и отлетел в сторону.

– Ты сошел с ума, – выдохнул Марио, встал на одно колено и попытался найти опору, чтобы подняться на ноги.

Левой рукой он ухватился за дверцу. Пастор, все еще сидевший на земле, изо всех сил толкнул дверцу ногой. Она

ударил по пальцам Марио и вновь распахнулась. Марио закричал от боли и снова упал, ударившись головой о бок машины.

Пастор вскочил на ноги.

Разводной ключ сверкнул в лучах утреннего солнца. Он схватил его и посмотрел на Марио. Сердце Пастора наполнилось яростью и ненавистью к человеку, расстроившему удачный план, поставившему спокойную жизнь такого количества людей под угрозу. Он шагнул к Марио и поднял ключ.

Марио обернулся к нему, на его лице застыло выражение бесконечного удивления, словно он не понимал, что происходит. Он открыл рот и, когда Пастор с силой опускал ключ ему на голову, успел спросить:

– Рикки?..

Тяжелый конец разводного ключа с глухим стуком обрушился на голову Марио. У него были густые темные волосы, но это ему не помогло. Череп треснул, и ключ погрузился в мозг.

Однако Марио не умер.

И Пастора охватил страх.

Глаза Марио оставались открытыми, он продолжал смотреть на Пастора. На его лице застыло удивление. Казалось, он пытается закончить начатую фразу. Марио даже поднял руку, словно хотел привлечь чье-то внимание.

Пастор испуганно отступил назад.

– Нет! – сказал он.

– Приятель... – вновь заговорил Марио.

Пастор почувствовал, как его охватывает паника, и он вновь поднял разводной ключ.

– Умри, ублюдок! – выкрикнул он и вновь ударил Марио.

На сей раз ключ еще глубже погрузился в мозг. Когда Пастор его вытаскивал, ему показалось, будто инструмент застрял в вязкой грязи. Его затошнило, когда он увидел, что разводная часть ключа испачкана чем-то серым. Пастор сглотнул, у него кружилась голова.

Марио медленно опустился на землю, теперь его плечи опирались на заднее колесо пикапа. Руки повисли вдоль тела, но он еще жил. Его глаза продолжали смотреть на Пастора. Кровь лилась по лицу, затекая за ворот рубашки. Его взгляд вызывал у Пастора ужас.

– Умри, – умоляюще проговорил Пастор. – Ради Бога. Марио, пожалуйста, умри.

Ничего не произошло.

Пастор отступил на несколько шагов. Ему вдруг показалось, что глаза Марио умоляют его довести дело до конца, но Пастор не мог заставить себя нанести еще один удар. Он и сам не смог бы сказать почему, но еще раз поднять ключ он был не в силах.

Затем Марио пошевелился, открыл рот, тело застыло, а в следующее мгновение он издал мучительный крик.

Пастор потерял самообладание, тоже закричал, подбежал к Марио и начал наносить ему один удар за другим, глядя на

свою жертву сквозь застилающую глаза пелену ужаса.

Наконец крики прекратились, и Пастор замер на месте.

Он отступил на несколько шагов и бросил разводной ключ на землю.

Труп Марио медленно сполз на траву. Серое вещество и кровь смешались с пылью.

Пастор упал на колени и закрыл глаза.

– О, всемогущий Боже, прости меня, – сказал он.

Некоторое время он простоял на коленях, его тело сотрясала мучительная дрожь. Он боялся открыть глаза и увидеть, как душа Марио покидает тело.

Чтобы хоть немного успокоиться, он начал повторять мантру:

– *Лей, тор, пур-дой-кор...* – Слова не имели смысла – именно поэтому человек успокаивался, если пытался на них сосредоточиться.

В них был ритм считалки, которую Пастор помнил с детства:

*Раз, два, три-четыре-пять,
Рыбу я сумел поймать,
Шесть, семь, восемь-девять-десять,
Отпустил ее из сети.*

Когда Пастор произносил мантру в одиночестве, он часто перескакивал на считалку. Получалось ничуть не хуже.

Знакомые звуки помогли, и он стал думать о том, как воз-

дух при дыхании входит в ноздри, затем попадает в гортань, опускается в грудь, достигает легких, после чего начинает обратное путешествие: легкие, гортань, рот, нос, ноздри – и выходит наружу. Когда он полностью сосредотачивался на дыхании, его сознание очищалось – никаких видений, кошмаров или воспоминаний.

Через несколько минут Пастор встал. Сердце билось холодно и ровно, в глазах застыла уверенность. Он очистил свое сознание от эмоций и больше не испытывал ни сомнений, ни сожалений. Убийство осталось в прошлом, Марио стал мусором, от которого следовало избавиться.

Пастор поднял свою ковбойскую шляпу, очистил ее от пыли и надел на голову.

Затем нашел под сиденьем пикапа ящик с инструментами, взял отвертку и снял номера спереди и сзади. Подойдя к свалке, засунул их в кучу мусора и положил отвертку на место.

Потом Пастор склонился над телом, правой рукой ухватился за ремень джинсов Марио, а левой за ворот клетчатой рубашки и поднял его. Задача оказалась не из простых – Марио был тяжелым.

Дверь пикапа оставалась открытой. Пастор раскачал Марио, а затем с размаху засунул тело внутрь. Каблуки сапог торчали из открытой двери, голова свешивалась с пассажирского сиденья. Кровь потекла на пол.

Сверху Пастор швырнул разводной ключ.

Он решил облить машину бензином из бака. Для этого ему требовалась длинная тонкая трубка.

Открыв капот, Пастор отыскал шланг, по которому вода подавалась на ветровое стекло, и вырвал гибкую пластиковую трубку. Затем поднял большую бутылку от кока-колы, обошел пикап и отвинтил пробку бензобака. Засунув трубку внутрь, он втягивал в себя воздух до тех пор, пока не ощутил вкус бензина, после чего вставил шланг в бутылку. Она медленно наполнилась бензином.

Бензин продолжал вытекать на землю, пока Пастор выливал содержимое бутылки на труп Марио.

Тут он услышал шум подъезжающего автомобиля.

Пастор посмотрел на лежащее в кабине пикапа мертвое тело, облитое бензином. Если сейчас здесь кто-нибудь появится, ему уже не скрыть своей вины.

Спокойствие оставило Пастора. Он задрожал, пластиковая бутылка выскользнула из его пальцев, и он опустился на корточки, как напуганный ребенок. Продолжая дрожать, он смотрел на ведущую к дороге колею. Неужели кто-то приехал на свалку, чтобы избавиться от устаревшей посудомоечной машины, забытого выросшими детьми игрушечного замка или от старых костюмов умершего дедушки? Шум двигателя приближался, и Пастор закрыл глаза.

– *Лей, тор, пур-дой-кор...*

Шум начал удаляться. Машина проехала мимо. Никто не собирался выбрасывать свои вещи.

Пастор почувствовал себя дураком. Он встал и взял себя в руки.

— *Лей, тор, пур-дой-кор...*

Однако страх заставил его торопиться.

Он вновь наполнил бутылку от кока-колы бензином и вылил его на пол кабины. Остатки бензина он использовал для того, чтобы проложить тоненькую дорожку к багажнику. Потом он забросил бутылку в кабину и отошел на пару шагов в сторону.

Тут Пастор заметил бейсбольную кепку Марио, поднял ее и положил в автомобиль рядом с телом.

Вытащив из кармана коробок спичек, зажег одну, а потом с ее помощью и остальные, швырнул пылающий коробок в кабину и отбежал от пикапа подальше.

Ярко вспыхнуло пламя, и через несколько мгновений кабина превратилась в раскаленную топку. Затем пламя перекинулось на трубку, по которой бензин продолжал вытекать на землю. Вскоре взорвался бензобак. Загорелись шины задних колес.

Воздух наполнился отвратительным запахом горящего мяса. Пастор сглотнул и отошел еще на несколько шагов.

Через пару секунд пламя стало спадать. Однако шины, сиденья и тело Марио продолжали медленно гореть.

Пастор подождал пару минут, глядя на пламя; потом, стараясь не дышать носом, осторожно приблизился к машине и заглянул в кабину. Труп и обивка успели превратиться в чер-

ную массу пепла и расплавленного пластика. Когда все остынет, пикап станет самым обычным старым автомобилем, подожженным детьми.

Он понимал, что уничтожил не все следы Марио. Поверхностный взгляд ничего не заметит, но если полицейские осмотрят пикап, то обязательно найдут пряжку от ремня, пломбы на зубах, возможно, обугленные кости. Пастор понимал, что наступит день, когда Марио вернется и будет его преследовать. Но сейчас он сделал все, что мог, чтобы замести следы преступления.

Теперь пришел черед сейсмического вибратора.

Он отвернулся от сгоревшего тела и зашагал прочь.

В коммуне, находившейся в долине Серебряной реки, имелась внутренняя группа, которую называли Едоки Риса. Их было семеро – тех, кто пережил отчаянную зиму 1972/73 года, когда метель отгородила их от остального мира и им в течение трех недель пришлось питаться одним рисом, который они варили в растопленном снегу. В тот день, когда пришло письмо, Едоки Риса поздно не ложились спать, сидели на кухне, пили вино и курили марихуану.

Мелодия, которая в 1972 году пятнадцатилетней девчонкой сбежала от родителей, играла блюзы на акустической гитаре. Некоторые члены группы зимой делали гитары. Те, что им нравились, они оставляли себе, а другие Пол Бейл отвозил в Сан-Франциско, где они продавались по довольно

высоким ценам. Звезда пела с остальными, ее прокуренное контральто выделялось из общего хора.

– «Я не поеду на этом дурном поезде...» – У нее всегда был самый сексуальный голос.

Мелани сидела вместе с ними, хотя и не принадлежала к группе Едоков Риса, Пастор оказывал ей знаки внимания, а остальные никогда не ставили под сомнение его поступки. Она безмолвно плакала, и крупные слезы катились по ее лицу.

– Я только вас нашла, – без конца повторяла она.

– Мы еще не сдались, – сказал ей Пастор. – Должен существовать способ заставить губернатора Калифорнии изменить свою точку зрения.

Кедр, плотник, мускулистый негр, ровесник Пастора, задумчиво сказал:

– Знаете, атомную бомбу сделать не так уж и трудно. – Он служил в морской пехоте, но дезертировал после того, как убил офицера во время учений. С тех пор он жил в коммуне. – Будь у меня плутоний, я мог бы справиться за один день. Мы сможем шантажировать губернатора – и, если они не выполнят наши требования, разнесем на куски Сакраменто.

– Нет! – возразила Анет, которая кормила грудью трехлетнего мальчика: Пастор считал, что его давно пора отнять от груди, но Анет твердила, что ему нужно разрешить сосать до тех пор, пока он хочет. – Нельзя спасти мир при помощи

бомбы.

Звезда перестала петь.

– Мы не пытаемся спасти мир. Я отказалась от подобных мыслей еще в шестьдесят девятом, после того как мировая пресса превратила движение хиппи в бездарную шутку. Я хочу сохранить только нашу долину, нашу жизнь, чтобы наши дети могли и дальше расти в мире и любви.

Пастор, который даже не рассматривал вариант с атомной бомбой, сказал:

– Плутоний достать трудно.

Анет оторвала ребенка от груди и погладила его по спине.

– Забудь об этом, – сказала она. – Я не желаю иметь никаких дел с ядерными веществами – они несут смерть!

Звезда вновь запела:

– «Поезд, поезд, дурной поезд...»

Однако Кедр не унимался:

– Я могу поступить на работу на атомную электростанцию и попытаться обмануть охрану.

– Тебя попросят предъявить документы и рекомендации. И что ты им скажешь? Чем ты занимался последние двадцать пять лет? Ядерными исследованиями в Беркли?

– Я скажу, что являюсь членом группы извращенцев, которые хотят взорвать Сакраменто, и что мне нужны радиоактивные материалы.

Остальные рассмеялись. Кедр откинулся на спинку стула и запел вместе со Звездой:

– «Нет. Нет, не поеду на этом дурном поезде...»

Пастор нахмурился, ему не нравилось легкомысленное настроение товарищей. Ему было не до веселья. Его сердце переполняла ярость. Однако он знал, что иногда во время подобной болтовни возникают превосходные идеи, поэтому не стал вмешиваться.

Анет поцеловала ребенка в макушку и сказала:

– Мы можем кого-нибудь похитить.

– Кого? – отозвался Пастор. – У губернатора наверняка не меньше шести телохранителей.

– А как насчет его правой руки, типа по имени Альберт Ханимум? – Все одобрительно закивали – они ненавидели Ханимуна. – Или президента «Коустал электрикс»?

Пастор кивнул. Такой вариант мог сработать.

Он неплохо разбирался в подобных вещах. Несмотря на то что он давно покинул улицы, Пастор не забыл правил игры: планируй тщательно, наноси удар так, чтобы противник не успел опомниться, действуй быстро – и тогда тебе будет сопутствовать успех.

– Это не произведет необходимого впечатления, – возразил он. – Мы похитим крупную шишку – и что с того? Если вы хотите напугать людей, нельзя ходить на цыпочках, нужно, чтобы они испугались до смерти.

Он заставил себя замолчать.

Когда ты поставил человека на колени, он плачет, он может обмочиться от ужаса, он просит пощады – и толь-

ко тогда следует сказать ему, чего ты хочешь. Он испытает к тебе благодарность, даже полюбит, когда ты скажешь, что ему следует сделать, чтобы остановить весь этот ужас и боль.

Впрочем, о подобных вещах не следовало рассуждать в присутствии таких людей, как Анет.

Тут вновь заговорила Мелани.

Она сидела на полу, опираясь спиной о стул Пастора. Анет передала ей большую сигарету с марихуаной. Мелани вытерла слезы, сделала затяжку, протянула сигарету Пастору и выпустила целое облако дыма.

– Я знаю десять или пятнадцать мест в Калифорнии, где имеются дефекты в земной коре, – если там немного надавить, произойдет сдвиг тектонических плит, а потом – бум! Получится, словно великан поскользнулся на камешке. Всего лишь маленький камешек, но великан так огромен, что его падение сотрясет землю.

Кедр перестал петь и сказал:

– Мелани, малышка, что за чушь ты несешь?

– Я говорю о землетрясении, – ответила она.

Кедр рассмеялся.

– «Я поеду, поеду на этом дурном поезде...»

Пастор не стал смеяться. Он вдруг понял, что слова Мелани могут оказаться важными.

– О чем ты говоришь, Мелани? – спросил он, внимательно глядя на нее.

– Забудем о похищениях и ядерных бомбах, – сказала она. – Мы можем угрожать губернатору землетрясением.

– Никто не в состоянии устроить землетрясение, – возразил Пастор. – Для этого требуется огромное количество энергии.

– Вот тут ты ошибаешься. Нужно приложить небольшую силу, но в определенном месте.

– Откуда ты знаешь? – поинтересовался Кедр.

– Я изучала сейсмологию. И сейчас преподавала бы в университете. Однако я вышла замуж за своего преподавателя, что и положило конец моей карьере. Пришлось отказаться от докторской.

В голосе Мелани прозвучала горечь. Пастор разговаривал с ней о ее прошлом и знал, что она затаила глубокую обиду. Ее муж состоял членом университетской комиссии, которая отклонила ее кандидатуру. Ему пришлось покинуть зал, когда шло обсуждение проекта Мелани, что показалось Пастору вполне естественным, но Мелани считала, что муж должен был ее поддержать. Пастор полагал, что работа Мелани не слишком годилась для диссертации, но она такой вариант даже не рассматривала. Поэтому Пастор сказал, что члены комиссии были потрясены ее красотой и интеллектом и устроили против нее заговор. Она полюбила Пастора за это еще больше.

– Мой муж, – продолжала Мелани, – тогда мы еще не были мужем и женой, разработал стрессовую теорию землетря-

сений. В течение десятилетий в определенных точках растет избыточное давление. Потом наступает момент, когда даже слабое колебание земной коры сдвигает пласты, накопленная энергия высвобождается и начинается землетрясение.

Пастора заинтересовали ее слова. Он перехватил взгляд Звезды, она ему кивнула. Для нее это вопрос веры. Пастор понимал, что Звезду нисколько не удивит, если сомнительная теория Мелани окажется верной и они смогут осуществить ее безумный план.

Пастор задумчиво посмотрел на Мелани. На ее лице появилось отсутствующее выражение. Бледная кожа, удивительные зеленые глаза и рыжие волосы делали ее похожей на прекрасную инопланетянку.

– *Ты с Марса?*

Так он к ней обратился, когда увидел впервые.

Знает ли она, о чем говорит? Она уже успела хорошенько приложиться к травке, но иногда именно в таком состоянии люди высказывают наиболее творческие идеи.

– Если все так просто, почему до сих пор никто ничего подобного не провернул?

– Ну, я не говорила, что это очень просто. Нужно быть сейсмологом, чтобы точно знать, в каких именно точках следует приложить давление.

Пастор погрузился в размышления. Когда у тебя возникают очень серьезные проблемы, иногда требуется сделать нечто совершенно необычное, чтобы удивить и парализовать

врага.

– А как ты вызовешь вибрации в земной коре?

– Это самое трудное, – ответила она.

Поезд, поезд, поезд...

Я поеду на этом дурном поезде...

Возвращаясь в город Шило, Пастор поймал себя на том, что продолжает думать об убийстве: вот разводной ключ вошел в мягкий мозг Марио, выражение, появившееся у него на лице, кровь, стекающая на пол кабины...

Плохо. Он должен сохранять спокойствие и уверенность. У него все еще нет сейсмического вибратора, который спасет коммуны. Убить Марио было совсем не трудно, сказал он себе. Теперь нужно обмануть Ленни. Но как?

Шум приближающегося автомобиля оторвал его от размышлений.

Машина ехала в город и догоняла его.

В этих краях никто не ходит пешком. Большинство решат, что его машина сломалась. Кто-нибудь остановится и предложит его подвезти.

Пастор попытался придумать причину, объясняющую, почему он оказался на дороге ранним субботним утром.

Ничего разумного в голову не приходило.

Он попытался обратиться за помощью к какому-нибудь богу, который надоумил его прикончить Марио, но боги молчали.

Он мог оказаться здесь, только если шел со свалки, но именно там остался сгоревший пикап с пеплом Марио.

Машина начала притормаживать.

Пастор с трудом удержался от искушения надвинуть шляпу на глаза.

Что я здесь делаю?

Отправился в пустыню, чтобы понаблюдать за дикой природой.

Да, за польнью и гремучими змеями.

Моя машина сломалась.

Где? Я ее не видел.

Я пошел отлить.

Так далеко?

Хотя утренний воздух нес прохладу, Пастор вспотел.

Машина медленно поравнялась с ним. Это был «додж-неон» последней модели, зеленого цвета, с техасскими номерами. В машине сидел мужчина. Пастор видел, как он наблюдает за ним в зеркало. Возможно, полицейский, сменившийся с дежурства...

Пастор запаниковал, ему ужасно захотелось повернуться и убежать.

Машина остановилась и подъехала к нему задним ходом. Водитель, молодой азиат в деловом костюме, опустил стекло.

– Эй, приятель, подвезти? – спросил он.

Ну и что мне ему ответить?

Нет, спасибо, я предпочитаю прогуляться.

– Я немного запылился, – ответил Пастор, посмотрев на свои джинсы.

Я упал на задницу, пытаюсь убить человека.

– Ну, здесь трудно не запылиться.

Пастор сел в машину. У него дрожали руки. Он пристегнул ремень, чтобы хоть чем-нибудь себя занять. Машина тронулась, и водитель спросил:

– Что вы здесь делали?

Я только что прикончил своего приятеля Марио при помощи разводного ключа.

В самый последний момент Пастор сумел придумать историю.

– Поцапался с женой, – ответил он. – Остановил машину, вылез и пошел прочь. Я не ожидал, что она развернется и уедет.

Он возблагодарил богов, вновь пославших ему озарение. Руки наконец перестали дрожать.

– Наверное, это та симпатичная темноволосая женщина в голубой «хонде», мимо которой я проехал миль двадцать назад?

Боже мой, кто ты, Человек-Память?

Азиат улыбнулся.

– Когда едешь через пустыню, всякий человек вызывает интерес.

– Нет, это не она, – покачал головой Пастор. – Моя жена уехала на пикапе.

– Я не видел никакого пикапа.

– Отлично. Значит, она не успела далеко отъехать.

– Наверное, припарковала машину на обочине и плачет, дожидаясь вашего возвращения.

Пастор облегченно ухмыльнулся. Водитель ему поверил.

Машина подъезжала к городу.

– А чем вы занимаетесь? – спросил Пастор. – Как вы оказались в такой дыре, да еще ранним субботним утром?

– Я не ругался с женой. Наоборот, я к ней возвращаюсь. Я живу в Ларедо. Торгую новинками керамики – декоративные тарелки, фигурки, надписи вроде «Детская комната» и тому подобные симпатичные безделушки.

– В самом деле?

Какой дурацкий способ прожить жизнь.

– Обычно мы продаем свои образцы в аптеках.

– Но аптека в городе еще закрыта.

– Сегодня я не собирался работать. Но было бы неплохо где-нибудь позавтракать. Вы можете что-нибудь порекомендовать?

Пастора больше устроило бы, если бы они проехали через городок без остановки и азиат никому не смог рассказать о бородатом типе, которого он подобрал возле свалки. Но когда они проезжали мимо «Ленивой Сюзен», Пастор решил, что лгать не стоит.

– Вот кафе.

– И как там кормят?

– У них вкусная овсянка. Сразу же после светофора. Вы можете меня там высадить.

Через минуту автомобиль остановился возле кафе. Пастор поблагодарил коммивояжера и вышел.

– Приятного аппетита, – пожелал он на прощание.

И ради Бога, не вступай в разговоры с местными жителями.

В квартале от кафе располагался офис «Риткин сейсмекс», маленькой фирмы, на которую он работал. Роль офиса исполнял трейлер, стоявший на свободной парковке. Сейсмический вибратор Марио устроился рядом с красным «понтиаком» Ленни.

Пастор остановился и некоторое время разглядывал грузовик. У него было десять колес для езды по бездорожью. Под слоем техасской пыли скрывался ярко-голубой цвет. Пастору ужасно захотелось вскочить в кабину и уехать. Он посмотрел на мощные механизмы, размещенные в кузове, могучий двигатель и массивную стальную пластину, здоровенный бензобак, шланги, вентили и датчики.

Я бы без всяких ключей за минуту запустил двигатель.

Но если он сейчас украдет грузовик, все полицейские Техаса начнут его разыскивать. Нужно проявить терпение.

Я должен устроить землетрясение, и никто меня не остановит.

Пастор вошел в трейлер.

В офисе было полно народу. Два диспетчера склонились

над компьютером, из принтера медленно выползала цветная карта местности. Сегодня они соберут все полевое оборудование и двинутся в Кловис. Геодезист разговаривал по телефону по-испански, а секретарша Ленни, Диана, изучала какие-то бумаги.

Через распахнутую дверь Пастор вошел во внутреннюю часть офиса. Ленни пил кофе и беседовал по телефону. После вчерашней выпивки его глаза налились кровью, а лицо покрывали красные пятна. Он едва заметно кивнул Пастору.

Пастор стоял у двери, дожидаясь, когда Ленни закончит разговаривать. Сердце мучительно билось у него в груди. Он уже примерно знал, что скажет. Но заглотит ли Ленни наживку? От этого зависело все.

Через минуту Ленни повесил трубку и сказал:

– Привет. Рикки, ты сегодня видел Марио? – спросил он, с трудом скрывая раздражение. – Он должен был уехать полчаса назад.

– Да, я его видел, – ответил Пастор. – Мне не хочется сообщать вам плохую новость, когда утро еще только начинается, но он вас послал.

– В каком смысле?

Пастор рассказал историю, которую придумал перед тем, как поднял разводной ключ и двинулся к Марио.

– Он так скучает по жене и детям, что сел на свой пикап и уехал из города.

– Вот дерьмо! А ты откуда знаешь?

– Он проехал мимо меня рано утром, направляясь в Эль-Пасо.

– Почему, черт возьми, он мне даже не позвонил?

– Он очень не хотел вас подводить, ему стало стыдно.

– Остается надеяться, что он пересечет границу и будет ехать до тех пор, пока не нырнет в океан.

Ленни потер глаза костяшками пальцев.

Пастор начал импровизировать:

– Послушайте, Ленни, у него совсем молодая жена, не будьте к нему слишком строги.

– Строг? Ты серьезно? Марио – уже история.

– Но он нуждается в этой работе.

– А мне нужен человек, который смог бы доставить чертов агрегат в Нью-Мексико.

– Он копит деньги на дом с бассейном.

– Кончай, Рикки, еще немного, и я заплачу, – язвительно заявил Ленни.

– Послушайте, – небрежно проговорил Пастор. – Я доведу ваш проклятый грузовик до Кловиса, если вы обещаете не увольнять Марио.

Он затаил дыхание.

Некоторое время Ленни молча смотрел на Пастора.

– Знаете, Марио неплохой парень, – продолжал Пастор.

Прекрати бормотать, твоя речь должна быть расслабленной.

– А у тебя есть права класса Б?

– С тех пор, как мне исполнился двадцать один год.

Пастор достал бумажник, вытащил права и бросил на стол. Это была подделка. У Звезды имелись точно такие же. Пол Бейл умел делать подобные вещи.

Ленни посмотрел на права и подозрительно спросил:

– А у тебя в этом какой интерес? Кажется, ты говорил, что не хочешь переезжать в Нью-Мексико.

Перестань ходить вокруг да около, Ленни, скажи мне «да» или «нет»!

– Мне бы не помешали пятьсот долларов.

– Ну, не знаю...

Ну и сукин же ты сын, Ленни, я убил человека, давай решай!

– Двести?

Да! Спасибо тебе! Спасибо!

Он сделал вид, что колеблется.

– Двести маловато за три дня работы.

– Два с половиной. Я дам тебе двести пятьдесят.

Все, что угодно, только давай ключи!

– Послушайте, я в любом случае отгоню ваш паршивый грузовик, потому что Марио хороший парень и я хочу ему помочь. Поэтому просто заплатите столько, сколько эта работа стоит.

– Хорошо, хитрая твоя рожа, я плачу триста.

– Договорились.

И я получил сейсмический вибратор.

– Спасибо за помощь, – сказал Ленни. – Я этого не забуду.
На лице Пастора расцвела улыбка.

– Не сомневаюсь.

Ленни открыл ящик письменного стола, вытащил листок бумаги и бросил на стол.

– Заполни форму для страховки.

Пастор замер.

Он не умел ни читать, ни писать.

Его охватил ужас.

– Ну, давай, заполняй быстрее, – нетерпеливо проворчал Ленни. – Это не гремучая змея.

Очень жаль, но я ничего не понимаю, закорючки на бумаге ведут свой бесконечный танец, а я даже не могу заставить их остановиться!

Ленни посмотрел на невидимую аудиторию.

– Еще минуту назад я мог бы поклясться, что этот парень не спит.

Лей, тор, пур-дой-кор...

Пастор протянул руку и взял листок.

– Ну, что тут сложного? – спросил Ленни.

– Я просто думал о Марио. Как вы полагаете, с ним все в порядке?

– Забудь о нем. Заполни страховку и уезжай. Я хочу, чтобы грузовик отправился в Кловис.

– Ладно. – Пастор встал. – Я заполню страховку на улице.

– Хорошо, а мне нужно решить еще пятьдесят семь про-

клятых проблем.

Пастор вышел из кабинета Ленни в основной офис.

Ты проделывал подобные штуки сотни раз, нужно успокоиться, ты справишься.

Он остановился у двери Ленни. Никто не обращал на него внимания; все занимались своими делами.

Пастор посмотрел на форму.

Большие буквы торчат, как деревья среди кустов. Если они смотрят вниз, значит, ты держишь листок вверх ногами.

Так и оказалось. Он перевернул форму.

Иногда попадался знак X, напечатанный жирно, написанный карандашом или красными чернилами, чтобы показать, куда ставить фамилию; но здесь все оказалось сложнее. Пастор умел писать свое имя. На это уходило некоторое время, получалось не слишком аккуратно, но он умел.

Однако больше он ничего написать не мог.

В детстве Пастору помогала врожденная сообразительность, и он не нуждался в умении читать и писать. Он быстрее всех складывал в уме числа, хотя и не знал, как записывать их на бумаге. Память его никогда не подводила. Он заставлял других делать то, что хотел, не написав ни строчки. В школе он каким-то непостижимым образом умудрялся не читать вслух. Если им давали письменное задание, он всегда находил кого-нибудь, кто делал это за него, а если не получалось, придумывал тысячи оправданий. Учителя пожимали

плечами и говорили: если ребенок не желает учиться, они не могут его заставить. Он заработал репутацию лентяя, а когда тучи у него над головой начинали сгущаться, прогуливал уроки.

Позднее Пастор занялся оптовой продажей алкоголя. Он никогда не писал писем и все вопросы решал лично или по телефону. Он держал в голове сотни телефонных номеров, пока не смог позволить себе секретаршу. Он всегда точно знал, сколько денег находится в обороте, а сколько в банке. Если к нему приходил продавец и предлагал заполнить бланк заказа, Пастор говорил: «Я скажу, что мне нужно, и вы сами все запишете». Бухгалтер и адвокат вели дела с правительством. В возрасте двадцати одного года Пастор заработал миллион долларов. Он успел потерять все деньги, когда познакомился со Звездой и стал членом коммуны, но это произошло вовсе не потому, что он был неграмотным. Пастор обманывал своих клиентов, не платил налоги и занимал деньги у мафии.

Ну, не может быть, чтобы заполнение бланка страховки оказалось таким уж трудным делом.

Он уселся за стол секретарши Ленни и улыбнулся ей.

– У тебя усталый вид, милая, – сказал он.

Диана, пухленькая блондинка лет тридцати пяти, которая была замужем за рабочим, тяжело вздохнула. У них было трое детей-подростков, и она всегда очень резко отвечала на грубые заигрывания окружавших ее мужчин, но Пастор умел

располагать к себе людей.

– Рикки, у меня сегодня столько дел, что я бы не отказалась от второй головы.

Он удрученно посмотрел на нее:

– Плохие новости... а я собирался попросить тебя о помощи.

После коротких колебаний Диана грустно улыбнулась:

– Что ты хотел, Рикки?

– У меня ужасный почерк. Я хотел, чтобы ты заполнила за меня этот листок, но если у тебя много работы...

– Ну, давай заключим сделку. – Диана показала на аккуратно сложенные на столе картонные коробки. – Я помогу тебе заполнить листок, если ты отнесешь эти документы в зеленый «шевроле», он стоит тут рядом.

– Договорились, – с благодарностью сказал Пастор и протянул Диане страховой листок.

– Ты собираешься отогнать в Кловис сейсмический вибратор? – спросила Диана.

– Да, Марио соскучился по дому и поехал в Эль-Пасо.

Диана нахмурилась:

– Что-то не похоже на него.

– Да уж. Надеюсь, с ним все в порядке.

Она пожала плечами и взяла ручку.

– Ну, для начала требуется полное имя, дата и место рождения.

Пастор ответил на ее вопросы, и она заполнила листок.

Все оказалось совсем просто. И чего он запаниковал? Наверное, дело в том, что он не ожидал такого поворота событий. Ленни сумел его удивить, и на мгновение он поддался страху.

Пастор уже давно научился скрывать свое неумение читать и писать. Он даже пользовался библиотеками. Так он разузнал о сейсмических вибраторах. Он отправился в центральную библиотеку в деловой части Сакраменто – большое здание, где полно посетителей и где едва ли запомнят его лицо. На первом этаже ему объяснили, что отдел науки находится на втором этаже. Здесь среди длинных рядов книжных полок и множества людей, внимательно глядящих на экраны компьютеров, Пастор испытал беспокойство. Затем он перехватил взгляд симпатичной женщины-библиотекаря примерно одного с ним возраста.

– Меня интересует информация о сейсмических исследованиях, – сказал он с теплой улыбкой. – Вы можете мне помочь?

Она подвела его к полке, выбрала книжку и сама нашла нужную главу.

– Я хотел бы узнать, как возникает ударная волна, – объяснил он. – Здесь про это есть?

Библиотекарь вместе с ним перелистала страницы.

– Похоже, существует три способа, – сказала она. – Подземный взрыв, падение большого груза и сейсмический виб-

ратор.

– Сейсмический вибратор? – спросил Пастор, и у него заблестели глаза. – А что это такое?

Библиотекарь показала на фотографию. Пастор завороченно посмотрел на нее.

– Похож на обычный грузовик.

Для Пастора он походил на чудо.

– Могу я сделать фотокопии некоторых страниц? – спросил он.

– Конечно.

Если ты достаточно умен, то всегда найдешь человека, который будет читать и писать за тебя.

Диана заполнила листок, поставила большую букву «X» и сказала:

– Подпишись вот здесь.

Пастор взял ручку и принялся медленно писать. «R» была похожа на девушку из варьете с огромным бюстом, которая лупила по нему ногой. Затем пришел черед «G» – Грейнджер – эта буква напоминала кривой садовый нож с короткой рукояткой. После «RG» он нарисовал волнистую, словно змея, линию. Получилось не слишком красиво, но большинство людей вполне устраивало. Многие подписывались разными закорючками, к счастью, подпись можно делать небрежно.

Вот почему фальшивые права пришлось оформить на его настоящее имя: ничего другого он написать не мог.

Пастор поднял глаза. Диана с любопытством смотрела на него – ее удивило, что он пишет очень медленно. Перехватив его взгляд, она покраснела и отвернулась.

Он вернул ей листок.

– Спасибо за помощь, Диана, я весьма тебе благодарен.

– Не стоит. Я принесу ключи от грузовика, как только Ленни закончит разговаривать по телефону.

Ключи хранились в кабинете босса.

Пастор вспомнил, что обещал перенести картонные коробки. Он взял одну из них и выглянул наружу. Зеленый фургон с распахнутой задней дверцей стоял во дворе. Он отнес туда коробку и вернулся за следующей.

Всякий раз, возвращаясь за очередной коробкой, Пастор проверял стол Дианы. Однако листок оставался на прежнем месте, а ключи не появлялись.

Он погрузил все коробки и уселся перед Дианой, которая вела переговоры относительно гостиницы в Кловисе.

Пастор стиснул зубы. Он добился цели, ключи почти у него в кармане, а ему приходится слушать всякие глупости про номера в гостинице! Он заставил себя сидеть спокойно. Наконец Диана повесила трубку.

– Пойду заберу у Ленни ключи, – сказала она, взяла листок и скрылась в кабинете Ленни.

Вошел толстый водитель бульдозера по имени Чев. Трейлер задрожал, когда его тяжелые башмаки застучали по полу.

– Привет, Рикки, – сказал он. – Я и не знал, что ты женат.

Он рассмеялся, остальные с интересом повернулись в их сторону.

А это еще что за дерьмо?

– И кто тебе сказал?

– Я видел, как ты вышел из машины возле «Сьюзен». А потом позавтракал с коммивояжером, который тебя подвез.

Проклятие, что он успел тебе рассказать?

Диана вышла из кабинета Ленни с ключами в руках. Пастору захотелось схватить их, но он сделал вид, что его интересует разговор с Чевом.

– Знаешь, у «Сьюзен» подают потрясающий омлет, – заявил Чев, приподнял правую ногу и оглушительно пукнул, потом повернул голову и увидел секретаршу. – Извини, Диана. Паренек мне рассказал, что ты сел к нему в машину возле свалки.

Проклятие!

– В шесть тридцать утра ты шел по пустыне. Оказывается, ты поссорился с женой, остановил машину и вышел. – Чев огляделся по сторонам, желая удостовериться, что его все слушают. – А она взяла и уехала, оставив тебя посреди пустыни.

Он широко улыбнулся, а остальные рассмеялись.

Пастор встал. Он не хотел, чтобы люди запомнили, что в тот день, когда исчез Марио, его видели возле свалки. Нужно прекратить дурацкий разговор.

– Знаешь, Чев, я хочу тебе кое-что сказать, – обиженно

проговорил он. – Если я узнаю о твоих личных делах, в особенности что-нибудь неприятное, я обещаю не кричать об этом на каждом углу. Ну как, подойдет?

– Ишь какой обидчивый, – проворчал Чев.

Остальные почувствовали себя неловко. Никому больше не хотелось говорить на эту тему. Наступило смущенное молчание. Пастор решил напоследок разрядить атмосферу.

– Ладно, Чев, я не обижаюсь.

Чев пожал плечами:

– Да я и не имел в виду ничего дурного, Рикки.

Обстановка разрядилась.

Диана протянула Пастору ключи от сейсмического вибратора, и он сжал их в кулаке.

– Спасибо, Диана, – сказал он, стараясь скрыть возбуждение. Ему ужасно хотелось побыстрее сесть за руль. – До встречи в Нью-Мексико.

– Ты ведь поведешь грузовик осторожно? – спросила Диана, когда он подошел к двери.

– О, конечно, – ответил Пастор. – Можешь не сомневаться.

И вышел наружу. Солнце уже поднялось, и на улице стало теплее. Пастор едва удержался от того, чтобы исполнить победный танец вокруг грузовика. Взобравшись в кабину, он включил двигатель и проверил показания приборов. Должно быть, Марио еще вчера залил полный бак. Грузовик готов к дальнему пути.

Выезжая на шоссе, Пастор не мог сдержать улыбки. Он оставил город позади, переключая передачи, и двинулся на север, следуя за «хондой» Звезды.

Когда грузовик подъезжал к повороту на свалку, Пастора охватили необычные ощущения. Он представил себе, что Марио стоит на обочине и серый мозг вытекает из дыры в черепе. Дурацкая суеверная мысль, но он никак не мог от нее избавиться. В животе у него все сжалось, навалилась слабость, стало трудно вести машину. Затем Пастор взял себя в руки.

Марио не первый человек, которого он убил.

Джек Касснер был полицейским, и он ограбил мать Пастора.

Мать Пастора была шлюхой. Она родила Пастора в тринадцать лет. К тому времени, когда Рикки исполнилось пятнадцать, она с двумя другими женщинами работала в грязной квартирке над книжным магазином, расположенным в районе притонов, неподалеку от центра Лос-Анджелеса. Джек Касснер служил в отделе по борьбе с проституцией и раз в месяц приходил за своей долей. Обычно он бесплатно пользовался услугами одной из женщин.

Однажды он заметил, как мать Пастора достает деньги из коробки в спальне. В ту же ночь полиция устроила налет на их квартиру, и Касснер украл полторы тысячи долларов – большие деньги в конце шестидесятых. Мать Пастора не слишком расстроилась из-за того, что ей пришлось прове-

сти несколько дней за решеткой, но потерю всех накопленных денег пережить не смогла. Касснер предупредил женщин, что, если они будут жаловаться, он обвинит их в торговле наркотиками и они получат по нескольку лет тюрьмы.

Касснер был уверен, что ему нечего опасаться трех проституток и мальчишки. Но на следующее утро, когда он стоял у писсуара в туалете бара «Голубой свет» на Бродвее, маленький Рикки Грейнджер вонзил ему в спину острый как бритва шестидюймовый нож, который с легкостью вошел через черный мохеровый свитер и белую нейлоновую рубашку прямо в почки. Касснер испытал такую боль, что даже не смог дотянуться до пистолета. Пока полицейского рвало кровью, Рикки быстро нанес ему еще несколько ударов. Затем вымыл нож и вышел на улицу.

Оглядываясь назад, Рикки восхищался удивительным хладнокровием, которое проявил тогда. Все заняло двадцать или тридцать секунд, но в туалет мог войти кто угодно. Однако он не испытывал ни страха, ни стыда или вины.

Но с тех пор стал бояться темноты.

Впрочем, в те дни он редко оказывался в темноте. В квартире матери свет обычно горел всю ночь. Но иногда Рикки просыпался перед рассветом – чаще всего в ночь на понедельник, – все спали, было тихо и темно. И тогда его охватывал слепой иррациональный ужас, он пробирался по темной комнате, наталкиваясь на жуткие мохнатые существа, касаясь влажных поверхностей, пока его рука не находила спа-

сительный выключатель. И он долго сидел на краю постели, тяжело дыша и вытирая пот, – постепенно до него доходило, что влажная поверхность была зеркалом, а мохнатое существо оказывалось подбитой флисом курткой.

Он боялся темноты до тех пор, пока не нашел Звезду.

Пастор вспомнил песню, которая была хитом в тот год, когда они познакомились, и начал ее петь. «Дым над водой». «Дип Пёрпл». В то лето постоянно передавали песни из их альбома.

Вполне подходящая для исполнения за рулем сейсмического вибратора апокалиптическая песня.

*Дым над водой
Огонь в небесах*

Пастор промчался на север, мимо поворота на свалку.

– Мы все сделаем ночью, – сказал Пастор. – Губернатор получит предупреждение, что через месяц начнется землетрясение.

– Мы и сами еще не знаем, возможно ли это, – с сомнением сказала Звезда. – Быть может, сначала нужно все подготовить, а после предъявить ультиматум.

– Проклятие, нет! – воскликнул Пастор.

Возражение Звезды его рассердило. Он знал, что у группы должен быть лидер и все остальные обязаны идти до кон-

ца, рискнуть, понять, что обратной дороги нет. В противном случае завтра они найдут причины отказаться от своего замысла.

Сейчас они возбуждены, письмо пришло сегодня, их переполняют гнев и отчаяние. Звезда полна мрачной решимости, Мелани охвачена яростью; Кедр готов объявить войну; Пол Бейл вернулся в свое прежнее состояние уличного грабителя. Мелодия почти ничего не говорит, но она самая молодая и беспомощная и наверняка пойдет за остальными. Против может выступить лишь Анет, но ее сопротивление будет слабым, поскольку ей всегда не хватало характера. Да, она быстро найдет возражения, но согласится с большинством еще быстрее.

Сам Пастор не сомневался, что его жизнь потеряет смысл, если долину затопят.

– Но землетрясение может привести к гибели людей, – сказала Анет.

– Послушайте, что я придумал, – ответил Пастор. – Сначала мы устроим совсем маленький, безобидный толчок где-нибудь в пустыне, чтобы показать, на что мы способны. Когда Калифорния окажется перед угрозой серьезного землетрясения, губернатору придется пойти на переговоры.

Анет занялась ребенком.

– Я с Пастором, – заявил Кедр. – Давайте прямо сегодня и начнем.

К нему присоединилась Звезда.

– А как мы выдвинем наши требования?

– Лучше всего анонимный телефонный звонок, или можно отправить письмо, – ответил Пастор. – Но так, чтобы его не смогли проследить.

– Мы можем поместить его среди объявлений в Интернете. Если воспользоваться моим компьютером и мобильным телефоном, никто не сумеет нас отследить.

До появления Мелани Пастор никогда не видел компьютера. Он вопросительно посмотрел на Пола Бейла, который знал о подобных вещах все. Пол одобрительно кивнул:

– Хорошая мысль.

– Отлично. – Пастор принял решение. – Неси свой компьютер.

Мелани вышла.

– А как мы подпишем послание? – спросила Звезда. – Нам нужно придумать имя.

– Что-нибудь обозначающее группу людей, которая хочет мира, но вынуждена пойти на крайние меры.

– Верно, – кивнул Пастор. – Мы назовем себя «Молот Эдема».

Оставалось совсем немного до наступления полуночи 1 мая.

Когда Пастор добрался до окраин Сан-Антонио, ему стало не по себе. По исходному плану Марио должен был доехать на грузовике до аэропорта.

Пастор оказался один в лабиринте дорог, окружавших город, и его прошиб пот.

Он не умел читать карты.

Если ему приходилось ехать в какое-нибудь новое место, он брал с собой Звезду в качестве штурмана. Она и другие Едоки Риса знали, что он не умеет читать. В последний раз Пастор колесил по незнакомым дорогам поздней осенью 1972 года, когда ему пришлось убежать из Лос-Анджелеса. Его путешествие по чистой случайности закончилось в долине Серебряной реки. Тогда ему было совершенно все равно, куда ехать. Более того, он с радостью бы умер. Но теперь хотел жить.

Пастор даже дорожные знаки не слишком разбирал. Если он останавливался, ему удавалось понять разницу между востоком и западом или севером и югом. Несмотря на прекрасные способности к устному счету, он не умел бегло читать цифры. С большим трудом он еще мог разобрать надпись: 10-е шоссе – палочка и круг. Но на дорожных знаках имелось множество другой информации, которая ничего для него не значила и лишь сбивала с толку.

Пастор пытался сохранять спокойствие, но это давалось ему нелегко. Он любил, когда ситуация находилась под контролем. Ощущение беспомощности бесило Пастора. По положению солнца он знал, где находится север. Когда ему казалось, что он заблудился, Пастор заезжал на бензоколонки или в придорожные магазины и спрашивал, как проехать

дальше. Ему ужасно не хотелось так поступать, поскольку люди запоминали сейсмический вибратор – огромный грузовик с навороченным оборудованием в кузове вызывал любопытство. Но ему не оставалось ничего другого, как идти на риск.

К тому же указания не всегда помогали. Парни с бензоколонки обычно говорили что-нибудь вроде:

– Ну, это совсем легко, следуйте по шоссе «Тела Христова», пока не увидите знак военно-воздушной базы Брукс.

Пастор изо всех сил старался не злиться и продолжал задавать вопросы, скрывая тревогу. Он играл роль дружелюбного, но глуповатого водителя грузовика, способного забыть, какой сегодня день. В конце концов, посылая благодарственные молитвы всем богам, он добрался до Сан-Антонио по нужной дороге.

Уже через несколько минут, проезжая через небольшой городок, Пастор с облегчением заметил голубую «хонду», припаркованную возле ресторана «Макдоналдс».

Он с благодарностью обнял Звезду.

– Проклятие, что случилось? – с тревогой спросила она. – Я жду тебя уже два часа!

Он решил не говорить, что ему пришлось убить Марио.

– Заблудился в Сан-Антонио.

– Я этого боялась. Здесь такая сложная система развязок.

– Ну, в Сан-Франциско еще хуже, но его я прекрасно знаю.

– Ладно, приехал, и хорошо. Давай закажем кофе, и ты

немного успокоишься.

Пастор купил себе гамбургер и получил в подарок пластикового клоуна, которого аккуратно засунул в карман рубашки для своего шестилетнего сына Шалуна.

Теперь за руль грузовика села Звезда. Они планировали без остановок добраться до Калифорнии, понимая, что на это уйдет двое суток или даже больше. Один из них будет спать, другой вести грузовик. Они заранее запаслись амфетаминами, чтобы бороться со сном.

«Хонду» решили оставить на стоянке возле «Макдоналдса». Как только они отъехали, Звезда протянула Пастору бумажный пакет и сказала:

– У меня для тебя подарок.

Внутри лежали ножницы и электрическая бритва на батарейках.

– Теперь ты сможешь избавиться от своей проклятой бороды, – добавила она.

Пастор ухмыльнулся и, повернув к себе зеркало заднего вида, принялся состригать бороду. Щетина выросла удивительно быстро, густая борода и усы сделали его круглолицым. Теперь же появилось его прежнее лицо. Он срезал большую часть бороды ножницами и взялся за электробритву. Покончив с бритьем, снял ковбойскую шляпу и избавился от косы.

Потом Пастор выбросил в окно шляпу и посмотрел на свое отражение. Аккуратно подстриженные волосы длинны-

ми прядями спадали вдоль худого лица. Нос напоминал клинок, но впалые щеки и чувственные губы делали Пастора привлекательным для женщин. Однако чаще всего они говорили о его глазах, темно-карих, почти черных. Пастор не раз слышал, что многие считают его взгляд завораживающим. Впрочем, он прекрасно знал, что дело тут не в глазах, а в пристальном взгляде – женщине начинало казаться, что Пастора интересует только она, и ничего больше. С мужчинами он тоже мог проделывать подобные вещи. Пастор немного попрактиковал взгляд в зеркале.

– Красивый, дьявол, – со смехом сказала Звезда, но в ее голосе Пастор услышал любовь.

– И умный, – добавил Пастор.

– Не стану спорить. Во всяком случае, ты сумел получить машину.

Пастор кивнул.

– Ты еще ничего не видела.

2

Рано утром в понедельник в федеральном здании на авеню Золотые Ворота, 450, в Сан-Франциско агент ФБР Джуди Мэддокс сидела в зале суда на пятнадцатом этаже и ждала.

Мебель здесь была из светлого дерева. Новые залы суда всегда обставляли именно так. Обычно в подобных местах не делали окон, поэтому дизайнеры старались использовать

светлые тона. Во всяком случае, Джуди так думала. Она много времени проводила в залах заседаний. Такая уж у нее работа.

Сейчас она страшно волновалась. Впрочем, она всегда ужасно волновалась, когда оказывалась в суде. Месяцы работы, иногда годы уходили на то, чтобы довести расследование до конца, но никто не знал, чем закончится суд. Защита могла оказаться блестящей или некомпетентной, судья – проницательным мудрецом или выжившим из ума старым болваном, присяжные – группой умных, ответственных граждан или сборищем недоумков, которых самих неплохо упрятать за решетку.

Сегодня судили четверых человек: Джона Партона, Эрнеста «Сборщика» Диаса, Фунг Ли и Фунг Хо. Братья Фунг были известными мошенниками, а двое остальных – их подручными. В союзе с Триадой Гонконга они отмывали деньги, заработанные на торговле наркотиками в северной Калифорнии. Джуди пришлось потратить год, чтобы понять, как они это делают, и еще год, чтобы собрать доказательства.

Джуди обладала одним важным преимуществом в борьбе с мошенниками из Азии: имела восточную внешность. Ее отец – зеленоглазый ирландец, но она больше походила на свою покойную мать, вьетнамку. Джуди была стройной и темноволосой, с узким разрезом глаз. Немолодые китайские гангстеры, чью деятельность она расследовала, даже не заподозрили, что эта хорошенькая девушка является опытным

агентом ФБР.

Джуди работала вместе с помощником государственного прокурора, которого очень хорошо знала. Его звали Дон Райли, и до прошлого года они жили вместе. Дон, энергичный и толковый специалист, отлично разбирался в своем деле. Обоим исполнилось по тридцать шесть лет.

Джуди считала, что они не могут проиграть процесс. Однако мошенники обратились в одну из лучших фирм города, специализирующихся на защите крупных криминальных авторитетов, и Джуди пришлось столкнуться с умной, энергичной защитой. Адвокаты поставили под сомнение надежность свидетелей, которые, естественно, сами принадлежали к преступному миру. Защита на удивление грамотно использовала собранные Джуди улики, чтобы сбить присяжных с толку.

И теперь ни Джуди, ни Дон не могли сказать, чем закончится суд.

Джуди волновалась еще и потому, что ее непосредственный начальник, возглавлявший отряд по борьбе с азиатской организованной преступностью, собирался на пенсию и она подала заявление на его должность. Она знала, что глава отделения ФБР в Сан-Франциско, старший специальный агент, поддержит ее кандидатуру. Однако у нее был соперник: Марвин Хейес, еще один высококлассный агент ее возраста. У Марвина также имелась могущественная поддержка: его лучший друг занимал пост помощника старшего спе-

циального агента, отвечающего за борьбу с организованной преступностью в Сан-Франциско, а также с должностными преступлениями.

Решения о продвижении по службе принимались департаментом, но мнения старшего специального агента и его помощника принимались во внимание. На данном этапе Джуди и Марвин Хейес имели равные шансы.

Джуди очень хотела получить эту должность и намеревалась далеко продвинуться в иерархии ФБР. Она была отличным агентом и могла стать выдающимся начальником отдела. Она не сомневалась, что наступит день, когда она станет лучшим в истории Бюро специальным агентом. Джуди гордилась ФБР, но знала, что можно сделать работу Бюро эффективнее. Например, следовало ускорить внедрение новой техники, рационального управления и – прежде всего – убрать таких агентов, как Марвин Хейес.

Хейес был старомодным стражем порядка: ленивым, жестоким и неразборчивым в средствах. Он отправил в тюрьму гораздо меньше плохих парней, чем Джуди, но любил совершать аресты высокопоставленных функционеров. Хейес всегда оказывался членом успешно работающего коллектива и успевал отойти в сторону от заведомо неудачных операций.

Старший специальный агент намекнул Джуди, что если ФБР выиграет сегодняшнее дело в суде, то должность получит она, а не Марвин.

На суде присутствовала почти вся команда, участвовав-

шая в деле братьев Фунг: ее начальник, остальные агенты, лингвист, секретарша и два детектива департамента полиции Сан-Франциско. К удивлению Джуди, она не увидела в зале старшего специального агента и его помощника. Процесс обещал стать значительным событием, и его исход имел для обоих большое значение. Она ощутила укол беспокойства. Возможно, в офисе произошли события, о которых она еще не знает. Джуди решила выйти из зала и позвонить. Но не успела она подойти к двери, как вошел клерк и заявил, что присяжные приняли решение. Джуди пришлось вернуться на место.

Тут же появился Дон, от которого пахло сигаретами: после того как они расстались, он начал курить. Он ободряюще сжал плечо Джуди, и она ему улыбнулась. Дон отлично выглядел, ему шла короткая стрижка, темно-синий костюм, белая рубашка и красный галстук от Армани были подобраны со вкусом. Но Джуди больше не тянуло к Дону, что-то ушло из их отношений, ей не хотелось взлохматить его волосы, развязать галстук и засунуть руку под белую рубашку.

Вернулись адвокаты защиты, затем ввели обвиняемых, появились присяжные, последним занял свое место судья.

Джуди скрестила под столом пальцы на удачу.

Клерк встал:

– Присяжные приняли решение?

Наступила абсолютная тишина. Джуди обнаружила, что нетерпеливо постукивает ногой по полу. Она взяла себя в

руки.

Встал китаец, старшина присяжных, владелец магазина. Джуди никак не могла решить, будет ли он сочувствовать обвиняемым китайцам или возненавидит их за то, что позорят его народ. Он спокойно произнес:

– Да, решение принято.

– Признаете ли вы обвиняемых виновными?

– Да, они виновны по всем пунктам обвинения.

Секунду, пока присутствующие осмысливали слова старшины, в зале царила тишина. Затем со стороны скамьи подсудимых Джуди услышала стон. Она заставила себя сдержать рвавшийся из груди крик радости. Повернувшись к Дону, увидела, что тот широко ей улыбается. Дорогостоящие адвокаты шелестели бумагами, избегая поднимать глаза. Двое репортеров вскочили со своих мест и бросились звонить в редакции.

Судья, худощавый мужчина лет пятидесяти с мрачным лицом, поблагодарил присяжных и заявил, что приговор может быть обжалован в течение недели.

У меня получилось, подумала Джуди. Я выиграла дело, посадила плохих парней за решетку, мое продвижение по службе – вопрос решенный. Старший агент Джудит Мэддокс, всего тридцать шесть лет, восходящая звезда.

– Всем встать, – объявил клерк.

Судья вышел из зала.

Дон обнял Джуди.

– Ты отлично поработал, – сказала она ему. – Спасибо.

– Ты передала мне прекрасно подготовленное дело, – ответил Дон.

Она чувствовала, что он хочет ее поцеловать, поэтому отступила на шаг.

– Ну, мы оба неплохо поработали, – заметила Джуди.

Потом она повернулась к своим коллегам, подошла к каждому и пожала им руки, благодаря за проделанную работу. Затем пришел черед адвокатов защиты. Старшим из них был Джон Филдинг, один из партнеров «Брукс энд Филдинг», импозантный мужчина шестидесяти лет.

– Мои поздравления, госпожа Мэддокс, вы победили совершенно заслуженно, – сказал он.

– Благодарю вас, – ответила она. – Победа далась нам очень нелегко. Перед началом процесса мне казалось, что не будет никакой борьбы.

Он с поклоном принял ее комплимент.

– Да, вы подготовились просто безупречно. Вы учились на адвоката?

– Я посещала юридическую школу в Стэнфорде.

– Да, я так и подумал, что вы можете работать адвокатом. Ну, если вам когда-нибудь надоест ФБР, приходите ко мне. В моей фирме уже через год вы будете получать втрое больше, чем сейчас.

Джуди была польщена, но ей показалось, что Филдинг говорит с ней снисходительно, поэтому ответила довольно рез-

ко:

– Вы сделали мне прекрасное предложение, но я хочу видеть плохих парней за решеткой, а не оставлять их на свободе.

– Я восхищаюсь вашим идеализмом, – хладнокровно ответил он и повернулся, чтобы поговорить с Доном.

Джуди сообразила, что ее реплика получилась слишком язвительной. Она знала за собой этот недостаток. Но, черт побери, она не собиралась работать в «Брукс энд Филдинг».

Джуди взяла портфель. Ей хотелось поскорее разделить свою победу со старшим специальным агентом. Офис ФБР в Сан-Франциско находился в том же здании, что и суд, только двумя этажами ниже. Когда она повернулась, чтобы уйти, Дон схватил ее за руку.

– Пообедаешь со мной? – предложил он. – Победу нужно отпраздновать.

Джуди кивнула:

– Конечно.

– Тогда я закажу столик и позвоню тебе.

Когда Джуди выходила из зала суда, она вспомнила, как он хотел ее поцеловать, и пожалела, что не сумела придумать причину для отказа.

Джуди вошла в вестибюль офиса ФБР, размышляя о том, почему старший специальный агент и его помощник не пришли в суд, чтобы выслушать вердикт присяжных. В вестибюле все как обычно. В коридорах с коврами дорожками

тишина. Робот-почтальон – тележка на колесах – с тихим гу-
дением катится по привычному маршруту. Для правоохрани-
тельных органов помещение просто роскошное. Разница
между ФБР и полицейским участком напоминала разницу
между правлением крупной корпорации и офисом фабрики.

Она направилась в кабинет старшего специального аген-
та. Милтон Лестрейндж всегда был к ней равнодушен. Он
с самого начала поддерживал женщин-агентов, которые в
настоящий момент составляли десять процентов от обще-
го числа. Некоторые старшие специальные агенты отдавали
приказы, как бригадные генералы, но Милт всегда вел себя
вежливо и доброжелательно.

Как только Джуди вошла в офис, она сразу поняла: что-то
случилось. Секретарша плакала.

– Линда, с тобой все в порядке? – спросила Джуди.

Секретарша, женщина средних лет, всегда исполнявшая
свои обязанности невозмутимо и эффективно, заплакала
еще сильнее. Джуди попыталась ее утешить, но Линда отмах-
нулась и показала на дверь, ведущую в кабинет Милтона.

Джуди вошла.

И оказалась в прекрасно обставленном помещении с пись-
менным столом и огромным полированным столом для со-
вещаний. На месте Лестрейнджа сидел помощник старшего
специального агента, Брайан Кинкейд, крупный мужчина с
бочкообразной грудью и седыми волосами. Он снял пиджак
и распустил узел галстука.

– Заходи, Джуди, – пригласил Брайан.

– Что, черт возьми, здесь происходит? – спросила она. – Где Милт?

– У меня плохие новости, – ответил он, однако его голос не показался Джуди особенно печальным. – Милт в больнице. У него обнаружили рак поджелудочной железы.

– О Господи, – сказала Джуди, садясь на стул.

Она знала, что Лестрейндж вчера отправился в больницу на обычное обследование – так он сказал, – но теперь сообщила, что Милт что-то подозревал.

– Ему будут делать операцию. Даже в самом лучшем случае он довольно долго здесь не появится.

– Бедный Милт!

Джуди была потрясена. Ей всегда казалось, что ее босс находится в самом расцвете сил: энергичный, всегда в хорошей форме, прекрасный начальник. И вот ему поставили смертельный диагноз. Ей хотелось хоть как-то его утешить, но она понимала, что помочь бессильна.

– Наверное, Джессика рядом с ним, – сказала она.

Джессика была второй женой Милта.

– Да, и брат сегодня прилетит из Лос-Анджелеса. Сюда, в офис.

– А первая жена?

– Я ничего о ней не знаю, – раздраженно ответил Кинкейд. – Я говорил только с Джессикой.

– Кто-то должен ей сообщить. Я постараюсь узнать номер

телефона.

– Как хочешь. – Кинкейду не терпелось закончить с личными проблемами и перейти к работе. – Естественно, здесь, в офисе, будут перемены. В отсутствие Милта я исполняю обязанности старшего специального агента.

Сердце у Джуди упало.

– Мои поздравления, – сказала она, стараясь говорить нейтрально.

– А тебя я перевожу в отдел по борьбе с местным терроризмом.

Сначала Джуди всего лишь удивилась.

– Зачем?

– Думаю, ты прекрасно справишься с этой работой. – Он взял телефон и обратился к Линде: – Попроси Мэтта Питерса зайти ко мне.

Питерс возглавлял отдел.

– Но я только что выиграла дело в суде, – негодуя возразила Джуди. – Братья Фунг сели в тюрьму.

– Хорошая работа. Но мое решение остается неизменным.

– Подождите минутку. Вы знаете, что я подала заявление на место главы отдела по борьбе с организованной азиатской преступностью. Если сейчас меня переведут в другой отдел, это будет выглядеть так, словно у меня возникли проблемы.

– Я полагаю, тебе полезно расширить свои горизонты.

– А я думаю, что вы хотите отдать эту должность Марвину.

– Совершенно верно. Я считаю Марвина отличным кан-

дидатом на место начальника отдела.

Какой подонок, подумала разозленная Джуди. Не успел стать боссом, как тут же использует служебное положение, чтобы продвинуть приятеля.

– Вы не имеете права так поступать, – сказала она. – У нас существует закон о равноправии при трудоустройстве, он распространяется и на вопросы получения новой должности.

– Валяй, можешь подать жалобу, – пожал плечами Кинкейд. – Марвин все равно обладает более высокой квалификацией.

– Я отправила в тюрьму намного больше преступников. Кинкейд самодовольно улыбнулся и выложил свой главный козырь:

– Но он два года провел в вашингтонском офисе.

Кинкейд прав, с отчаянием подумала Джуди. Она никогда не работала в штаб-квартире ФБР. И хотя это не являлось обязательным требованием, такой опыт считался полезным для главы отдела. Поэтому у нее нет оснований подавать жалобу. Все знали, что она более толковый агент, чем Марвин, но на бумаге он выглядел лучше.

Джуди сдержала подступившие слезы. Два года она работала изо всех сил и одержала крупную победу над преступностью, а теперь этот мерзавец лишает ее заслуженной награды.

В кабинет вошел Мэтт Питерс, коренастый человек лет сорока пяти, лысый, в галстуке и рубашке с короткими рука-

вами. Как и Марвин Хейес, он дружил с Кинкейдом. Джуди почувствовала, что ее обложили.

– Поздравляю с одержанной победой, – сказал Питерс Джуди. – Рад, что ты будешь работать в моем отделе.

– Спасибо.

Больше Джуди не нашла что сказать.

– У Мэтта для тебя новое задание, – заявил Кинкейд.

Питерс принес с собой досье, которое тут же протянул Джуди.

– Губернатор получил обращение группы террористов, которые называют себя «Молот Эдема».

Джуди открыла досье, но не смогла прочитать ни слова. Ее трясло от гнева и ощущения безнадежности. Чтобы скрыть свои чувства, она попыталась сосредоточиться на работе.

– Чего они хотят?

– Требуют заморозить строительство новых электростанций в Калифорнии.

– Речь идет об атомных станциях?

– Любых. Они дали нам четыре недели на выполнение их требований. Террористы утверждают, что являются радикальной ветвью «Зеленой Калифорнии».

Джуди попыталась сосредоточиться. «Зеленая Калифорния» – легальная организация, которая боролась за сохранение окружающей среды. Ее штаб находился в Сан-Франциско. Впрочем, подобные группы всегда привлекают сумасшедших.

– И чем они угрожают?

– Землетрясением.

Джуди оторвала взгляд от досье.

– Вы шутите?

Мэтт покачал лысой головой.

Поскольку Джуди выбили из колеи предшествующие события, она даже не попыталась смягчить свои слова.

– Полнейшая чепуха, – резко ответила она. – Никто не в состоянии устроить землетрясение. С тем же успехом они могут угрожать нам снегом высотой в три фута.

Мэтт пожал плечами:

– Нужно проверить.

Джуди знала, что высокопоставленные политики каждый день получают самые разные угрозы. ФБР берется за их расследование только в тех случаях, когда в них оказывается что-то особенное.

– Как получена угроза?

– Она появилась первого мая среди объявлений в Интернете. Вся необходимая информация в досье.

Джуди посмотрела Мэтту в глаза. Сейчас у нее совсем неподходящее настроение выслушивать всякую чушь.

– Вы что-то от меня скрываете. В угрозе нет ни малейшего смысла. – Она посмотрела на часы. – Сегодня двадцать пятое. Мы не обращали внимания на послание три с половиной недели. А теперь, когда до окончания назначенного срока осталось четыре дня, ФБР забеспокоилось?

– Объявление заметил Джон Правдолюб – полагаю, он просто шарил по Интернету. Возможно, ему требовалась новая тема. В общем, он рассказал об угрозе в своем шоу в пятницу вечером и получил множество звонков.

– Теперь понятно.

Джон Правдолюб вел на радио ток-шоу. Передача велась из Сан-Франциско, но по всей Калифорнии имелись станции для прямого эфира. Джуди рассердилась еще сильнее.

– Джон Правдолюб давит на губернатора, чтобы тот принял меры. Губернатор обратился в ФБР. И мы должны провести расследование, хотя никто не верит в серьезность угрозы.

– Пожалуй.

Джуди глубоко вздохнула. Она обращалась к Кинкейду, а не к Питерсу, поскольку понимала, кто все это затеял.

– Наш отдел пытался поймать братьев Фунг в течение двадцати лет. Сегодня я засадила их в тюрьму. – Она заговорила громче. – И теперь вы предлагаете мне заняться какой-то хренью?

Кинкейд выглядел вполне довольным собой.

– Если ты хочешь и дальше работать в Бюро, тебе нужно научиться философски относиться к поворотам судьбы.

– Я уже научилась, Брайан!

– Не кричи.

– Я научилась, – повторила Джуди немного тише. – Десять лет назад, когда я была зеленым новичком и мое начальство

не знало, можно ли на меня положиться, я получала вот такие задания. И относилась к ним абсолютно серьезно, доказав, что мне можно доверять настоящую работу!

– Десять лет – это ничто, – пожал плечами Кинкейд. – Я проработал в Бюро двадцать пять лет.

Джуди попыталась его урезонить:

– Послушайте, вас только что поставили во главе отдела. И вы начинаете с того, что поручаете одному из своих лучших агентов дело, с которым справится новичок. Все поймут, что вы просто сводите со мной счеты.

– Ты права, я только что получил эту должность, а ты уже даешь мне советы. Тебе пора приниматься за работу, Мэддокс.

Джуди посмотрела на него. Неужели он полагает, что разговор закончен?

– Ты свободна, – спокойно добавил Кинкейд.

Этого Джуди стерпеть уже не смогла. Ее ярость вырвалась наружу.

– Закончена не только наша беседа, – заявила она, поднимаясь. – Катись ты в задницу, Кинкейд.

На его лице промелькнуло удивление.

– Я увольняюсь, – сказала она.

И вышла из кабинета.

– Ты прямо так и сказала? – спросил отец у Джуди.

– Да. Я знаю, ты меня не одобряешь.

– Однако ты совершенно права.

Они сидели на кухне и пили зеленый чай. Отец Джуди работал детективом в полиции Сан-Франциско и часто выступал в роли тайного агента. Он был прекрасно сложен и находился в отличной для своего возраста форме. Длинные поседевшие волосы забраны в хвост, блестящие зеленые глаза с интересом смотрят на дочь.

До пенсии старому детективу осталось совсем немного, и эта перспектива его не вдохновляла. Вся его жизнь была связана с полицией. Он бы с удовольствием работал полицейским до семидесяти лет. Мысль о том, что дочь подала в отставку так рано, вызывала у него ужас.

Родители Джуди встретились в Сайгоне. Ее отец служил в армии – в те времена американских солдат называли «советниками». Мать родилась во вьетнамской семье среднего класса: дедушка Джуди служил бухгалтером в министерстве финансов. Отец Джуди привез невесту в Америку, и Джуди появилась на свет в Сан-Франциско. В детстве она называла родителей Бо и Ми – по-вьетнамски «папа» и «мама». Коллеги отца узнали об этом, и с тех пор его прозвали Бо Мэддокс.

Джуди его обожала. Когда ей исполнилось тринадцать, мать погибла в автомобильной катастрофе. С тех пор Джуди была очень близка с Бо. После того как она год назад порвала с Доном Райли, Джуди переехала жить к отцу.

Она вздохнула.

– Ты должен признать, что я редко проигрываю.

– Только когда это важно для тебя.

– Но после того, как я сказала Кинкейду, что увольняюсь, ничего другого мне не остается.

– Да, после того, как ты послала его в задницу.

Джуди встала и налила им обоим чаю. В ней все еще кипела ярость.

– Он такой мерзкий болван.

– Возможно, ты права, поскольку он потерял отличного агента. – Бо сделал несколько глотков чая. – Но ты еще глупее – потому что лишилась отличной работы.

– Сегодня мне предложили кое-что получше.

– Где?

– «Брукс энд Филдинг», юридическая фирма. Я буду получать в три раза больше, чем в ФБР.

– И спасти гангстеров от тюрьмы! – с возмущением проговорил Бо.

– Каждый человек имеет право на достойного адвоката.

– Почему бы тебе не стать женой Дона Райли и не завести детей? А я выйду на пенсию и займусь внуками.

Джуди поморщилась. Она так и не рассказала Бо, почему они с Доном расстались. Правда состояла в том, что он ей изменил. Дона мучила совесть, и он во всем признался. Это был короткий роман с коллегой, и Джуди попыталась его простить, но с тех пор ее чувства к Дону изменились. Ей больше не хотелось заниматься с ним любовью. Впрочем, не

тянуло ее и к другим мужчинам. Измена Дона привела к тому, что Джуди перестала испытывать потребность в сексе.

Бо ничего об этом не знал. Он считал Дона Райли превосходным мужем для дочери: красивый, умный, успешный, к тому же работает в правоохранительных органах.

– Дон пригласил меня отпраздновать победу, но я хочу отказаться.

– Наверное, мне не следует давать тебе советы, – с грустной улыбкой сказал Бо и встал. – Мне пора. Сегодня ночью у нас рейд.

Джуди не нравилось, когда отец работал ночью.

– Ты поел? – с беспокойством спросила она. – Может быть, сделать яичницу?

– Нет, спасибо, милая. Позднее я съем сандвич. – Он надел кожаную куртку и поцеловал ее в щеку. – Я люблю тебя.

– Пока.

Как только дверь за ним захлопнулась, зазвонил телефон. Это был Дон.

– Я заказал столик в «Маса», – сказал он.

Джуди вздохнула. В «Маса» великолепная кухня.

– Дон, мне не хочется тебя огорчать, но я вынуждена отказаться.

– Ты серьезно? Я уже был готов предложить метрдотелю свою сестру, чтобы получить столик.

– Мне не хочется праздновать. У меня серьезные неприятности в офисе. – И она рассказала о болезни Лестрейнджа

и поведении Кинкейда. – Я решила уйти из Бюро.

Дон был потрясен.

– Я не верю своим ушам! Ты же так любишь эту работу!

– Все это уже в прошлом.

– Ужасно!

– Вовсе нет. Пришло время подумать о деньгах. Я была среди первых учеников в юридической школе – ты же знаешь. И оценки получала выше, чем те, кто сейчас зарабатывает целые состояния.

– Да, конечно, помочь убийце избежать срока, написать книгу, получить миллион долларов... Неужели это ты? Я действительно разговариваю с Джуди Мэддокс?

– Не знаю, Дон, но сейчас мне никуда не хочется идти.

Наступила пауза. Джуди понимала, что Дон готов смириться с неизбежным.

– Ладно, – вздохнул он. – Но ты должна мне свидание. Как насчет завтрашнего дня?

У Джуди не осталось сил спорить.

– Конечно, – ответила она.

– Договорились.

Она повесила трубку.

Джуди включила телевизор и заглянула в холодильник, размышляя об обеде. Есть ей не хотелось, тогда она вытащила банку пива и открыла ее. Она смотрела в телевизор три или четыре минуты, пока не сообразила, что идет передача на испанском языке. Немного подумав, Джуди пришла к вы-

воду, что не хочет пива. Она выключила телевизор и вылила пиво в раковину.

Может быть, пойти в «Эвертон», любимый бар агентов ФБР? Джуди нравилось проводить там время, пить пиво, есть гамбургеры, обмениваться новостями с коллегами. Но она сомневалась, что ей будут рады, в особенности если в бар зайдет Кинкейд. Она уже начала чувствовать себя посторонней.

Джуди решила сходить в офис и, воспользовавшись своим компьютером, написать резюме. Лучше чем-нибудь заняться, чем без толку сидеть дома.

Она взяла пистолет, но тут ее посетили сомнения. Агенты находятся на службе двадцать четыре часа в сутки, и она была обязана постоянно носить оружие – исключение составляли суд, тюрьма и офис.

Но если я перестала быть агентом, то не должна носить пистолет.

Потом Джуди передумала.

Проклятие, если я увижу, как на улице грабят прохожего, и мне придется проехать мимо только из-за того, что я забыла оружие дома, мне будет очень обидно.

У нее был стандартный пистолет, которым чаще всего пользовались агенты ФБР, «ЗИГ-Зауэр П228». В обойме обычно находилось тринадцать девятимиллиметровых патронов, но Джуди всегда досылала в ствол первый патрон из обоймы и вставляла еще один – у нее получалось четырна-

дцать. Кроме того, у нее был «Ремингтон-870», дробовик с обоймой на пять зарядов. Как и другие агенты, она раз в месяц ходила на стрельбище, обычно в Санта-Риту. Четыре раза в год сдавала нормативы. У Джуди никогда не возникало проблем со стрельбой: ее рука отличалась твердостью, и она редко промахивалась.

Как и большинство агентов, она стреляла из пистолета только на тренировках.

Агенты ФБР были следователями. Они имели отличное образование и получали высокую заработную плату. Можно прослужить в Бюро двадцать пять лет и так и не вступить в перестрелку или рукопашную схватку. Однако подготовке агентов уделялось много внимания.

Джуди положила пистолет в подплечную кобуру. Она выбрала ао-дай, национальную вьетнамскую одежду, напоминающую длинную блузу с маленьким стоячим воротником и боковыми разрезами, которую носили поверх мешковатых штанов. Джуди любила ао-дай, поскольку блуза давала ощущение свободы. К тому же Джуди знала, что в ней она прекрасно выглядит: белый материал выгодно оттенял ее длинные черные волосы и кожу цвета меда, блуза подчеркивала изящную фигуру. Обычно на работу она так не одевалась, но сейчас было поздно, к тому же Джуди подала в отставку.

Она вышла на улицу. Ее «шевроле» стоял у тротуара. Машина принадлежала ФБР – но Джуди готова с ней расстаться без малейших сожалений. Когда она станет адвокатом, то

сможет позволить себе что-нибудь получше – маленький европейский спортивный автомобиль вроде «порше».

Дом ее отца находился в Ричмонде. Не слишком шикарное место, но честный полицейский никогда не бывает богатым. Джуди поехала в центральную часть города по скоростной магистрали. Час пик уже миновал, и она быстро добралась до здания, где располагался офис ФБР. Припарковав машину в подземном гараже, она поднялась на лифте на двенадцатый этаж.

Теперь, когда Джуди приняла решение оставить работу в ФБР, офис показался ей симпатичным и уютным, у нее даже возникли ностальгические чувства. Серый ковер, аккуратные номера кабинетов, письменные столы, досье, компьютеры – все говорило о могущественной, прекрасно оснащенной организации, уверенно идущей к поставленной цели. Кое-где еще работали припозднившиеся агенты. Джуди вошла в офис отдела по борьбе с азиатской организованной преступностью. В комнате было пусто. Она зажгла свет, уселась за свой стол и включила компьютер.

Когда Джуди стала размышлять, о чем написать в резюме, то поняла, что никак не может сосредоточиться.

О своей жизни до поступления на работу в ФБР ей и вовсе нечего было сказать: юридическая школа, два скучных года в страховой компании. Ей следовало написать отчет о своей десятилетней деятельности в Бюро, показать, как успешно она продвигалась по службе. Но вместо гладкого повест-

вождения перед ее мысленным взором возникали не связанные между собой воспоминания: серийный насильник, который благодарит ее за то, что она посадила его в тюрьму, где он больше никому не сможет причинить вреда; компания под названием «Библейские инвестиции», которая умудрилась лишить всех сбережений дюжину пожилых вдов; время, проведенное в одной комнате с вооруженным человеком, похитившим двух маленьких детей, – тогда ей удалось уговорить его отдать оружие...

Едва ли стоило рассказывать об этом «Брукс энд Филдинг». Им требовался Перри Мейсон², а не Уайт Эрп³.

Тогда она решила написать официальное письмо с просьбой об отставке. Джуди поставила дату и напечатала:

Старшему специальному агенту.

Дорогой Брайан, это подтверждение моей отставки.

Ей стало больно.

Она отдала десять лет жизни службе в ФБР. Другие женщины успели выйти замуж, родить детей, начать собственный бизнес, написать роман, совершить кругосветное путешествие. Она решила стать замечательным агентом. А теперь отказывается от своей мечты. На глаза Джуди наверну-

² Перри Мейсон – криминальный адвокат, знаменитый персонаж Эрла Стенли Гарднера.

³ Эрп Уайатт Берри Стрэпп – легендарная личность эпохи освоения фронтира, картежник и авантюрист, самый известный из четырех братьев Эрп. Был помощником судебного исполнителя в Додж-Сити в 1876-м и 1878–1879 гг.

лись слезы.

Какая же я идиотка – сижу в пустом офисе и плачу возле компьютера.

Тут в комнату вошел Саймон Спэрроу.

Мускулистый мужчина с усами и коротко подстриженными волосами, он был всего на год или два старше Джуди. Как и она, Саймон оделся достаточно легкомысленно: желтые модные брюки из хлопчатобумажной ткани и спортивная рубашка с короткими рукавами. Он защитил диссертацию по лингвистике и прослужил пять лет в отделе бихевиоризма в Академии ФБР, которая находилась в Квонтико, штат Виргиния. Саймон специализировался на анализе угроз террористов.

Он симпатизировал Джуди, и она отвечала ему взаимностью. С коллегами-мужчинами Саймон разговаривал о футболе, пистолетах и машинах, но когда оставался с Джуди наедине, обсуждал с ней, как с подругой, ее одежду и украшения.

В руке он держал досье.

– Меня ужасно заинтересовала угроза устроить землетрясение, – сказал он, его глаза блестели от возбуждения.

Джуди высморкалась. Он не мог не заметить, что она расстроена, но тактично сделал вид, что ничего не происходит.

– Я собирался оставить это на твоём столе, но рад, что могу передать лично.

Саймон явно задержался, чтобы закончить отчет, и Джуди

не хотелось его разочаровывать и говорить, что она увольняется.

– Присядь, – предложила она, взяв себя в руки.

– Поздравляю с сегодняшней победой!

– Спасибо.

– Ты имеешь все основания быть собой довольной.

– Ты прав, но я сразу же поссорилась с Брайаном.

– А, с ним. – Саймон небрежно взмахнул рукой. – Если ты принесешь ему вежливые извинения, ему придется простить. Он не может тебя потерять, ты слишком хороший агент.

Разговор принял неожиданный оборот. Обычно Саймон проявлял больше сочувствия к ее проблемам. Казалось, ему уже все известно. Но если он знал о ее стычке с Кинкейдом, значит, и знал, что она собирается в отставку. Но тогда зачем дописывал отчет? Заинтригованная, Джуди спросила:

– Расскажи, что тебе удалось узнать?

– Я довольно долго пребывал в недоумении. – Он протянул ей распечатку. – В Квонтико тоже удивились, – добавил он.

Джуди знала, что Саймон автоматически обратился за консультацией в академию.

Она уже видела послание: оно находилось в досье, которое ей передал утром Мэтт Питерс. Джуди вновь его прочитала.

1 мая

губернатору штата

Привет!

Вы утверждаете, что вас тревожит загрязнение окружающей среды, но вы никогда ничего не делаете, чтобы улучшить положение; поэтому мы решили вас заставить.

Общество потребления отравляет всю планету, вас обуяла жадность, но теперь вам придется остановиться!

Мы «Молот Эдема», радикальная ветвь «Зеленой Калифорнии».

Мы требуем немедленного замораживания строительства электростанции. Нет новым электростанциям. Точка. В противном случае!

Что будет в противном случае, спрашиваете вы?

В противном случае ровно через четыре недели мы устроим землетрясение.

Мы предупреждаем! Мы не намерены шутить!
«Молот Эдема».

Джуди не обнаружила в послании ничего особенного, но знала, что Саймон самым тщательным образом изучил каждое слово и каждую запятую.

– Ну и какой ты сделала вывод? – спросил он.

Джуди немного подумала.

– Я вижу тупого студента с грязными волосами, в выцветшей футболке, который сидит за компьютером и пытается измыслить способ заставить мир его слушаться.

– Ну, ты допустила максимально возможное количество ошибок, – с улыбкой сказал Саймон. – Ему за сорок, он не

получил образования, у него очень скромные доходы.

Джуди удивленно покачала головой. Ее всегда восхищало, как Саймон умудряется делать выводы при практически полном отсутствии информации.

– Откуда ты все это знаешь?

– Словарь и структура предложений. Обрати внимание на приветствие. Богатые люди не начинают писем со слова «Привет», они бы написали «Уважаемый сэр». Выпускники колледжа обычно избегают двойного отрицания, а тут их целых три: «вы никогда ничего не делаете».

Джуди кивнула:

– Значит, нужно искать «синий воротничок» лет сорока пяти. Так в чем же загадка?

– Противоречия. По другим признакам – послание составлено молодой женщиной, принадлежащей к среднему классу. Нет ни одной орфографической ошибки. В первом предложении стоит точка с запятой, что говорит об определенном уровне образования. Количество восклицательных знаков указывает на женщину – извини, Джуди, но это правда.

– А почему ты думаешь, что она молода?

– Человек более старшего возраста написал бы слова «губернатор штата» с большой буквы. Я уже не говорю о том, что использование компьютера и Интернета указывает на человека молодого и образованного.

Джуди изучающе посмотрела на Саймона. Быть может, он сознательно пытается ее заинтриговать, чтобы она осталась

в Бюро? Она приняла решение, и ей не хотелось его менять. Однако ее заинтересовала загадка, сформулированная Саймоном.

– Иными словами, ты хочешь сказать, что послание написано человеком, страдающим раздвоением личности?

– Вовсе нет. Все гораздо проще. Оно написано двумя людьми: мужчина диктовал, женщина печатала.

– Умно!

Джуди тут же представила себе, как два человека пишут письмо. Как собака, взявшая след, она вся подобралась, предчувствие погони заставляло кровь быстрее бежать в венах.

Я чувствую запах этих людей, и я хочу знать, кто они такие, не сомневаюсь, что сумею их поймать.

Однако я подала в отставку.

– Я спросил у себя, почему он диктует, – продолжал Саймон. – Так делают служащие крупных корпораций, но это самый обычный человек.

Саймон говорил небрежно, словно просто рассуждал вслух, но Джуди очень хорошо знала, как часто его посещает вдохновение.

– Есть теория?

– Возможно, он не умеет писать?

– Или просто лентяй.

– Верно. – Саймон пожал плечами. – Но у меня предчувствие.

– Хорошо, – кивнула Джуди. – Мы имеем симпатичную девушку из колледжа, которая попала под влияние уличного парня. Маленькая Красная Шапочка и большой Серый Волк. Вероятно, она в опасности, но грозит ли что-нибудь всем остальным? Обещание устроить землетрясение не кажется мне реальным.

Саймон покачал головой:

– Мне представляется, что мы должны отнестись к ним самым серьезным образом.

Джуди не сумела скрыть любопытства.

– Почему?

– Как ты, конечно, знаешь, мы классифицируем угрозы по мотивам, намерениям и выбору цели.

Джуди кивнула. Это знали все.

– Мотивация бывает эмоциональной или практической. Иными словами, преступник поступает так, чтобы доставить себе удовольствие, или он чего-то хочет?

Джуди пришла к выводу, что ответ очевиден.

– Эти люди имеют вполне определенную цель. Остановить строительство электростанций.

– Правильно. Из чего следует, что они не хотят никому причинять вред. Они рассчитывают добиться своего, послав предупреждение.

– А те преступники, поведение которых определяется эмоциями, хотят убивать людей?

– Совершенно верно. Далее – намерения бывают полити-

ческими, преступными или безумными.

– В данном случае речь идет о политике, по крайней мере на поверхности.

– Совершенно верно. Политические идеи могут послужить предлогом для безумных поступков, но у меня не возникает такого ощущения. А что скажешь ты?

Джуди уже поняла, к чему он клонит.

– Ты хочешь сказать, что эти люди вполне рациональны. Но угроза устроить землетрясение представляется мне безумной!

– Я еще к этому вернусь, хорошо? Наконец, выбор цели может быть определенным или случайным. Попытка убить президента – акция вполне определенная; расстрел из автомата посетителей «Диснейленда» – здесь выбор цели случайный. Если считать угрозу устроить землетрясение серьезной, погибнут случайные люди. Значит, выбор цели следует считать случайным.

Джуди наклонилась вперед.

– Ладно, у нас есть практические намерения, политическая мотивация и случайный выбор цели. Какой ты делаешь вывод?

– Учебник утверждает, что эти люди либо торгуются, либо ищут известности. Мне кажется, известность их не интересует – иначе они не стали бы помещать свое послание в Интернете, а обратились бы на телевидение или в газеты. Однако они выбрали другой путь. Значит, они хотят начать

переговоры с губернатором.

– Они слишком наивны, если полагают, что губернатор читает подобные послания.

– Согласен. Этих людей характеризует сочетание невежества и искушенности.

– Но они совершенно серьезны.

– И у меня есть еще одна причина, подтверждающая это. Их требование заморозить строительство электростанций нельзя считать предлогом. Оно слишком определенно. Если бы они хотели что-нибудь придумать, то выбрали бы нечто более невероятное, скажем, запрет на использование кондиционеров в Беверли-Хиллз.

– Но кто же эти люди?

– Мы не знаем. Обычный террорист постепенно увеличивает количество требований. Он начинает с угрожающих телефонных звонков и анонимных писем; затем обращается на телевидение и в газеты; потом появляется неподалеку от правительственных зданий. К тому моменту, когда он прибывает с экскурсией в Белый дом, мы уже много о нем знаем. Здесь все иначе. Я попросил провести лингвистическую сверку всех террористических угроз, зафиксированных в Квонтико, аналогов найти не удалось. Это новые люди.

– Значит, мы ничего о них не знаем?

– Мы знаем немало. Очевидно, они живут в Калифорнии.

– С чего ты взял?

– Послание адресовано «губернатору штата». Если бы они

жили в другом штате, то написали бы «губернатору Калифорнии».

– Что еще?

– Они американцы, я не нашел указаний на их принадлежность к какой-нибудь определенной этнической группе: черных, азиатов или латиноамериканцев.

– Но ты отбросил одну деталь, – заметила Джуди.

– Какую?

– Они безумны.

Он покачал головой.

– Саймон, перестань! – не сдавалась Джуди. – Они утверждают, что могут устроить землетрясение. Ну как они могут быть в своем уме?

– Я ничего не знаю о сейсмологии, но достаточно разбираюсь в психологии, и теория о безумии этих людей меня не устраивает, – упрямо возразил Саймон. – Они разумны, серьезные и знают, чего хотят. Значит, они опасны.

– Я с тобой не согласна.

Он встал.

– Я вымотался. Не хочешь выпить пива?

– Не сегодня, Саймон, но благодарю за приглашение. И спасибо за отчет. Ты самый лучший.

– Не спорю. Ну, пока.

Джуди положила ноги на стол и принялась изучать собственные туфли. Теперь она не сомневалась, что Саймон пытался отговорить ее от отставки. Кинкейд мог думать,

что угроза землетрясения яйца выеденного не стоит, Саймон считает, что «Молот Эдема» может оказаться серьезной угрозой и что группу необходимо выследить и нейтрализовать.

В таком случае ее карьера в ФБР еще не закончена. Она триумфально раскрутит дело, которое ей поручили в качестве прямого оскорбления. Она будет выглядеть блестяще, а Кинкейд – идиотом. Такая перспектива показалась Джуди вдохновляющей.

Она спустила ноги и посмотрела на экран. Поскольку Джуди уже довольно давно не прикасалась к клавиатуре, включился скринсейвер – ее фотография в семилетнем возрасте, с выпавшими молочными зубами и пластмассовой заколкой в волосах. Она сидела на коленях у отца, который был в форме полицейского Сан-Франциско. Джуди сняла с него фуражку и попыталась надеть себе на голову. Фотографию сделала ее мать.

Она представила, как работает на «Брукс энд Филдинг», водит «порше» и защищает в суде людей вроде братьев Фунг.

Джуди тронула клавишу пробела, и скринсейвер исчез. На экране появились слова: «Дорогой Брайан, это подтверждение моей отставки».

Руки Джуди застыли над клавиатурой. После долгой паузы она сказала:

– Проклятие!

Потом быстро стерла предложение и напечатала:

«Я бы хотела извиниться за свою грубость...»

3

Утро вторника. Солнце вставало над И-80, когда «плимут-барракуда» 1971 года выпуска мчался к Сан-Франциско. Двигатель ревел так, словно машина делала все девяносто миль в час, а не пятьдесят пять, как показывал спидометр.

Пастор купил автомобиль новым, когда его бизнес приносил максимальные доходы. Когда рынок алкоголя рухнул и над Пастором стали сгущаться тучи, он сбежал, прихватив с собой лишь то, что было на нем – темно-синий деловой костюм с широкими лацканами и брюками-клеш, – и автомобиль. И то, и другое ему удалось сохранить.

В эру хиппи единственной достойной машиной считался «фольксваген»-«жук». Пастор на желтой «барракуде» выглядел как сутенер, о чем ему не раз говорила Звезда. Пришлось раскрасить машину: на крыше он нарисовал планеты, на багажнике – цветы, а на капоте – индийскую богиню с восемью руками и крыльями пурпурного, розового и бирюзового цветов. За двадцать пять лет краски потускнели, но, если присмотреться, удавалось разглядеть прежний рисунок. Теперь автомобиль уже представлял интерес для коллекционеров.

Он выехал в три часа утра. Мелани всю дорогу проспала. Она дремала, положив голову ему на колени, ее роскошные ноги удобно устроились на выцветшей черной коже. Он вел

машину и играл с волосами Мелани, длинными, прямыми, разделенными пробором, – такие прически носили в шестидесятых годах, хотя она родилась в тот год, когда распались «Битлз».

Ребенок спал на заднем сиденье. Немецкая овчарка по имени Призрак, принадлежащая Пастору, устроилась рядом с ним. Пес лежал спокойно, но всякий раз, когда Пастор к нему оборачивался, смотрел на него единственным открытым глазом.

Пастор испытывал тревогу.

Он сказал себе, что ему следует быть довольным. Вернулось старое доброе время. В молодости он постоянно работал над реализацией какого-нибудь проекта, пытался провернуть очередную сделку, украсть или устроить волнения. Потом он познал мир. Но иногда ему начинало казаться, что его жизнь стала слишком спокойной и однообразной. Кража сейсмического вибратора помогла ему обрести себя. Рядом молодая красивая женщина, ему предстоит грандиозная схватка умов.

Тем не менее его не оставляла тревога.

Пастор понимал, что слишком сильно подставил свою шею. Он заявил, что губернатор Калифорнии будет плясать под его дудку, обещал устроить землетрясение. Если он потерпит поражение, ему конец. Он потеряет все, чем дорожит. А если его поймают, он выйдет из тюрьмы стариком.

Но он был гением. Пастор всегда знал, что он не такой,

как другие. Правила и законы других людей на него не распространялись. Он делал такое, до чего никто не мог додуматься.

И он уже наполовину осуществил свою затею. Ему удалось украсть сейсмический вибратор. Да, он убил человека, но ему не придется за это отвечать — конечно, иногда будут сниться кошмары, в которых Марио, пошатываясь, выходит из горящего пикапа, а из раны на голове ручьями течет кровь.

Грузовик надежно спрятан в лощине, в предгорьях Сьерра-Невады. Сегодня Пастор узнает, куда следует направить грузовик, чтобы устроить землетрясение.

Информацию он получит от мужа Мелани.

Если верить Мелани, Майкл Керкус больше всех на свете знал о сдвигах пластов в Сан-Андреасе. Все сведения хранились в его компьютере. Пастор собирался украсть дискету, на которой продублирована вся информация.

И еще он позаботится о том, чтобы Майкл ничего не узнал.

Для этого ему требовалась помощь Мелани. Вот почему Пастор испытывал тревогу. Он познакомился с ней всего несколько недель назад и за короткое время стал главным человеком в ее жизни; однако ему еще не доводилось устраивать ей такой проверки. К тому же она прожила с Майклом шесть лет. Не исключено, что она может неожиданно пожалеть о разрыве с ним. Вдруг Мелани захочет вернуться к по-

судомоечной машине и телевизору или ее напугает необходимость совершить кражу? Никто не может предсказать, как поведет себя такая неуправляемая и разочарованная жизнью особа, как Мелани.

На заднем сиденье проснулся ее пятилетний сын.

Пастор услышал, как щелкнули челюсти Призрака, потом зевнул ребенок.

Дастин, которого все называли Дасти, был несчастным ребенком. Он страдал от множества разных аллергий. Пастору не довелось видеть его приступов, но Мелани описывала их: Дасти начинал беспрерывно чихать, глаза вылезали из орбит, он до крови расчесывал кожу. Она постоянно носила с собой очень сильные лекарства, но говорила, что они лишь смягчают аллергию.

Дасти что-то беспокоило.

– Мамочка, я хочу пить, – сказал он.

Мелани проснулась, села и потянулась, и Пастор залюбовался очертаниями ее груди под тонкой футболкой. Она обернулась назад и проговорила:

– Попей воды, Дасти, там у тебя есть бутылка.

– Я не хочу воды, – заныл он. – Хочу апельсиновый сок.

– У нас нет сока, – резко ответила она.

Дасти тут же расплакался.

Мелани была чересчур заботливой матерью и постоянно боялась сделать что-нибудь неправильно. Она ужасно тревожилась из-за здоровья сына, но у нее не хватало терпения

разговаривать с ним спокойно. Она была уверена, что муж когда-нибудь попытается отнять у нее ребенка, поэтому старалась не совершать поступков, которые дали бы ему повод назвать ее плохой матерью.

Пастор вызвал огонь на себя.

– Эй, послушай, что это там сзади?

Он сделал вид, что ужасно напуган.

Мелани оглянулась.

– Обычный грузовик.

– Это ты так думаешь. А на самом деле он только замаскирован под грузовик, это же звездолет с Центуриона, истребитель с протонными торпедами. Дасти, ты должен три раза стукнуть в заднее стекло, чтоб поднять невидимую магнитную защиту. Быстро!

Дасти постучал.

– А теперь мы узнаем, выпустил ли он свои торпеды: это оранжевый проблеск на его крыльях. Следи за ним, Дасти.

Грузовик быстро приближался, и через минуту загорелся левый указатель поворота.

– Он стреляет в нас, стреляет! – закричал Дасти.

– Отлично, я попытаюсь удержать магнитную защиту, а ты поведешь ответный огонь. Бутылка с водой – отличная лазерная пушка!

Дасти навел бутылку на грузовик и принялся щелкать языком, изображая пальбу. Мелани расхохоталась.

Когда грузовик скрылся из вида, Пастор сказал:

– Нам повезло, что мы так удачно выбрались из переделки. Теперь они от нас отстанут.

– А на нас еще нападут центурианцы? – с надеждой спросил Дасти.

– Вы с Призраком будете прикрывать нам спину и, если увидите врага, сообщите мне, договорились?

– Ладно.

Мелани улыбнулась и негромко сказала:

– Спасибо. Ты так хорошо с ним общаешься.

Я хорош со всеми: с мужчинами, женищинами, детьми и животными. У меня есть харизма. Но я с ней не родился – мне пришлось научиться. Нужно уметь заставлять людей делать то, что хочешь ты. От верной жены, изменяющей мужу, до капризного ребенка, не желающего слушать мать. Тут одного обаяния мало.

– Скажешь мне, когда нужно свернуть, – сказал Пастор.

– Постарайся не пропустить указатель на Беркли.

Она не знала, что он не умеет читать.

– Их наверняка несколько. Просто скажи, когда сворачивать.

Через несколько минут они съехали с автострады и оказались в университетском городке. Пастор чувствовал, как нарастает беспокойство Мелани. Он знал, что она ненавидит общество и свое разочарование в жизни связывает с мужчиной, от которого ушла шесть месяцев назад. Она сказала Пастору, как проехать на авеню Евклида, где в дешевых до-

мах снимали квартиры студенты старших курсов и преподаватели.

– Я по-прежнему считаю, что должна пойти одна, – сказала она.

Об этом не могло быть и речи. Мелани не хватало уверенности. Пастор сомневался в том, что она все сделает правильно, даже когда находился рядом с ней. Он не мог отпустить ее одну.

– Нет, – решительно возразил он.

– Может быть, я...

Он бросил на нее сердитый взгляд:

– Нет!

– Ладно, ладно, – торопливо ответила она, прикусив губу.

– Эй, смотрите, здесь живет папа, – возбужденно сказал Дасти.

– Правильно, дорогой, – ответила Мелани.

Она указала на невысокий дом, и Пастор припарковал автомобиль рядом с ним.

Мелани повернулась к Дасти, но Пастор ее опередил:

– Он останется в машине.

– Я не знаю, безопасно...

– С ним будет собака.

– Он может испугаться.

Пастор повернулся к Дасти:

– Эй, лейтенант, у тебя хватит храбрости охранять наш космолет, пока старший помощник мама и я войдем в кос-

мопорт?

– А я увижу папу?

– Конечно. Но я бы хотел поговорить с ним несколько минут. Ты сможешь нести дозор?

– Я не подведу!

– Космическая морская пехота должна отвечать: «Есть, сэр!»

– Есть, сэр!

– Очень хорошо. Оставайся на посту.

Пастор вышел из машины.

Мелани последовала за ним, с сомнением посматривая на сына.

– Ради Бога, не говори Майклу, что мы оставили мальчика в машине, – взмолилась она.

Пастор ничего не ответил.

Быть может, ты боишься расстроить Майкла, мальши-ка, но мне плевать.

Мелани взяла сумочку с заднего сиденья и перекинула ее через плечо. Они подошли к дому, и Мелани нажала на кнопку домофона.

Ее муж сова, сказала она Пастору. Он любит работать вечером и поздно вставать. Вот почему Пастор решил приехать сюда в семь утра. Пастор рассчитывал, что Майкл будет слишком сонным и не сообразит, что их визит имеет тайную цель. Если у него появятся подозрения, украсть дискету будет невозможно.

Мелани говорила, что он трудоголик, вспомнил Пастор, пока они ждали ответа Майкла. Он целыми днями ездил по всей Калифорнии, проверяя показания приборов, измеряющих напряжение в Сан-Андреасе и других местах, а по ночам заносил полученную информацию в компьютер.

Но Мелани ушла от него после происшествия с Дасти. Они с сыном в течение двух лет были вегетарианцами и перешли на растительную пищу. Мелани считала, что строгая диета остановит аллергические приступы Дасти, хотя Майкл относился к ее идеям скептически. Однажды Мелани обнаружила, что Майкл купил сыну гамбургер. Для нее это было равносильно отравлению ребенка. Она и сейчас впадала в ярость, когда рассказывала о том, что тогда произошло. В тот же день она ушла, забрав с собой Дасти.

Возможно, она права относительно приступов аллергии, подумал Пастор. С начала семидесятых все обитатели коммуны стали вегетарианцами – тогда так питались немногие. Пастор не очень верил в достоинства растительной диеты, но считал, что любая привычка, которая противопоставляет их остальному миру, пойдет коммуне на пользу.

Они выращивали свой виноград без химикатов по той простой причине, что не могли их себе позволить. В результате они стали называть свое вино натуральным, что резко повысило его стоимость. Однако Пастор не мог не заметить, что обитатели коммуны, прожившие в ней двадцать лет, обладают великолепным здоровьем. Им крайне редко прихо-

дилось прибегать к помощи врача – обычно они справлялись со всеми проблемами сами.

Поэтому теперь он не сомневался в достоинствах вегетарианской диеты. Но в отличие от Мелани соблюдал ее без фанатизма. Он по-прежнему любил рыбу, иногда случайно мог съесть мясо в супе или сэндвич с мясом. Если Мелани узнавала, что омлет с грибами, который она съела, приготовлен на сале, она тут же мчалась в туалет.

Наконец из переговорного устройства послышался недовольный голос:

– Кто?

– Мелани.

Раздался щелчок, и дверь открылась. Пастор последовал за Мелани вверх по лестнице. На втором этаже в дверях квартиры стоял Майкл.

Пастора удивила его внешность. Он ожидал увидеть худосочного профессора, скорее всего лысого, в сером или коричневом. Оказалось, что Керкусу лет тридцать пять. Высокий, атлетичный, с короткими вьющимися волосами, он совсем не походил на профессора. Если не считать полотенца на бедрах, он был обнажен, и Пастор увидел широкие мускулистые плечи и плоский живот.

Они были красивой парой.

Когда Мелани поднялась на верхнюю площадку, Майкл сказал:

– Я ужасно волновался. Где, черт возьми, ты пропадала?

– Ты не мог бы одеться? – спросила Мелани.

– Я не знал, что ты пришла не одна, – холодно произнес он, оставаясь стоять в дверях. – Ты собираешься ответить на мой вопрос?

Пастор видел, что он с трудом сдерживает ярость.

– Я пришла, чтобы все объяснить. – Мелани явно получала удовольствие от ярости Майкла.

Какой ужасный брак.

– Это мой друг Пастор. Мы можем войти?

Майкл продолжал сердито на нее смотреть.

– Надеюсь, твоя история прозвучит чертовски убедительно, Мелани.

Он повернулся и вошел в квартиру.

Мелани и Пастор последовали за ним и оказались в маленькой прихожей. Он открыл дверь в ванную, снял с крючка синий халат и не торопясь надел его. Сбросил полотенце и завязал пояс халата. После этого Майкл предложил им войти в комнату.

И они оказались у него в кабинете. Здесь стояли диван, телевизор и компьютер, а на полке мигали зелеными огоньками какие-то электронные приборы. Где-то в этих серых коробках находилась нужная Пастору информация. Ему мучительно захотелось получить ее как можно скорее. Однако он не мог обойтись без помощи Мелани.

Одну из стен полностью занимала карта.

– А это еще что такое? – спросил Пастор.

Майкл бросил на него презрительный взгляд и ничего не ответил.

– Сдвиг пластов в Сан-Андреасе, – объяснила Мелани. – Он начинается на маяке в Пойнт-Арена, в ста милях к северу отсюда, в округе Мендокино, и тянется на юг и восток, мимо Лос-Анджелеса, до Сан-Бернардино. Трещина в земной коре длиной в семьсот миль.

Мелани еще раньше рассказала Пастору, в чем заключается работа Майкла. Он специализировался на расчете давления в разных точках вдоль сейсмических сдвигов. Успех определялся частично точностью измерений малых движений земной коры, частично правильностью оценки накопившейся энергии за период времени, прошедший после предыдущего землетрясения. Эта работа принесла Майклу немало академических призов. Но около года назад он ушел из университета и открыл свой собственный бизнес – теперь он давал консультации строительным фирмам и страховым компаниям относительно опасности землетрясений.

Мелани блестяще владела компьютером и помогла Майклу создать эффективную программу, которая продолжала обработку данных круглые сутки. Вся информация с его компьютера, объяснила она Пастору, постоянно копируется на дискету. Когда утром Майкл включает компьютер, он вынимает дискету и прячет ее в огнеупорный ящик. Поэтому, даже если полетит жесткий диск или сгорит весь дом, драгоценные данные сохранятся.

Пастора поражало, что информация о сдвиге в Сан-Андреасе может храниться на маленькой дискете, – впрочем, книги были для него такой же загадкой. Он знал, что нужно просто принять то, что ему говорят. Самое главное, что при помощи дискеты Майкла Мелани сможет указать место, где следует использовать сейсмический вибратор.

Оставалось выманить Майкла из комнаты на несколько минут, чтобы Мелани успела вытащить дискету из компьютера.

– Майкл, расскажите мне об этом, – попросил Пастор, обводя рукой карту и компьютер и не сводя с него Взгляда. – Как вы себя чувствуете, делая свою работу?

Большинство людей смущались, когда Пастор обращал на них Взгляд и задавал такие вопросы. Иногда они бывали удивительно откровенными, но Майкл никак не отреагировал, равнодушно посмотрел на Пастора и ответил:

– Я ничего не чувствую, я использую аппаратуру, вот и все. – Потом он повернулся к Мелани и сказал: – Ты собираешься рассказать мне, куда и почему ты исчезла?

Наглый мерзавец.

– Все очень просто, – ответила Мелани. – Друг предложил нам с Дасти пожить в его хижине в горах.

Пастор посоветовал ей не уточнять, где именно. Всем своим видом Мелани показывала, что не понимает, почему она должна объяснять такие простые вещи.

– Я не могла не воспользоваться таким прекрасным шан-

сом вывезти Дасти на природу.

Именно там Пастор с ней и встретился. Она гуляла с Дасти по лесу, и они заблудились. Мелани выросла в городе и даже не умела ориентироваться по солнцу. Пастор в тот день отправился ловить лосося. Стояло чудесное весеннее утро, солнечное и тихое. Он сидел на берегу реки и курил марихуану, и вдруг послышался детский плач.

Он сразу понял, что это чужой ребенок – голоса детей коммуны он знал. Пастор пошел на плач и увидел Дасти и Мелани. Она и сама с трудом сдерживала слезы.

– Слава Богу! – воскликнула она, увидев Пастора. – А я уж думала, что мы так и умрем здесь!

Он долго смотрел на нее. Она выглядела необычно, но длинные волосы, зеленые глаза, обрезанные джинсы и короткая кофточка делали ее невероятно привлекательной. Какое волшебное приключение: найти в диком лесу заблудившуюся красавицу. Если бы не ребенок, Пастор попытался бы соблазнить ее на мягком ковре из сосновых иголок, возле плещущей воды.

Именно тогда он и спросил, не с Марса ли она.

– Нет, – ответила Мелани. – Из Окленда.

Пастор знал, что неподалеку сдаются на лето коттеджи. Он подхватил свой спиннинг и повел их по тропинкам, которые успел хорошо изучить. Получилась долгая прогулка, он говорил с Мелани, задавал ей сочувственные вопросы, улыбался своей обаятельной улыбкой и успел узнать о ней все.

Она попала в серьезную беду.

Мелани ушла от мужа и поселилась с гитаристом из группы, игравшей тяжелый рок. Однако гитарист вышвырнул ее вон уже через несколько недель. Ей было не к кому обратиться за помощью: отец умер, мать жила в Нью-Йорке с человеком, который попытался затащить ее в постель в ту единственную ночь, которую она провела в их квартире. Она исчерпала гостеприимство друзей и взяла в долг у всех, кто мог ее поддержать. Ее карьера потерпела крах, и она стала работать в супермаркете, оставляя Дасти на целый день у подружки. Она жила в таких грязных трущобах, что у ребенка начались постоянные приступы аллергии. Мелани было необходимо переехать туда, где чистый воздух, но она не могла найти работу за городом. Положение стало отчаянным. Мелани уже подсчитала, сколько снотворного следует принять, чтобы они с Дасти больше не проснулись, и тут подруга предложила ей пожить в горах.

Пастор любил людей, попавших в беду. Он знал, как с ними следует обращаться. Ты им помогаешь, и они становятся твоими рабами. Он чувствовал себя не лучшим образом рядом с уверенными в себе типами, которые на всех смотрели свысока, — он знал, что их слишком трудно контролировать.

К тому времени, когда они добрались до коттеджа Мелани, наступило время ужина. Она приготовила спагетти и салат, а потом уложила Дасти спать. Как только Дасти заснул, Пастор соблазнил ее прямо на ковре. Мелани переполняло

желание. Только секс помогал ей избавиться от эмоционального напряжения, и она занималась любовью так, словно в последний раз, царапала его спину и плечи, заставляла войти так глубоко, точно хотела поглотить. Еще никогда секс не был для Пастора таким волнующим.

А теперь ее высокомерный красавец профессор возмущается.

– С тех пор прошло пять недель. Ты не имеешь права забирать моего сына и исчезать без единого телефонного звонка!

– Ты мог бы и сам позвонить мне.

– Я не знал, где ты!

– У меня есть мобильный телефон.

– Я звонил. Никто не отвечал.

– Мне отключили телефон, потому что ты не заплатил по счету. Мы ведь договорились, что ты будешь его оплачивать.

– Я опоздал на пару дней, вот и все! Потом они должны были его снова включить.

– Ну, значит, ты звонил, когда телефон был отключен.

Семейная ссора не приближала Пастора к желанной дискете.

Нужно каким-то образом заставить Майкла выйти из комнаты.

– Почему бы нам не выпить кофе? – вмешался он, рассчитывая, что Майкл отправится на кухню.

Майкл небрежно махнул рукой.

– Вот и займитесь делом, – бросил он.

Дерьмо!

Майкл повернулся к Мелани:

– Не имеет значения, почему я не мог с тобой связаться. Важно, что я пять недель не знал, где вы находитесь. Ты должна сообщать мне, когда уезжаешь надолго отдыхать.

– Послушай, Майкл, я еще не все тебе рассказала.

Майкл мрачно покачал головой, вздохнул и сказал:

– Почему бы вам не присесть?

И уселся за свой письменный стол.

Мелани устроилась на уголке дивана, скрестив ноги. Пастор подумал, что так она, наверное, сидела раньше. Пастор присел на подлокотник дивана, ему не хотелось оказаться ниже Майкла.

Я даже не знаю, где именно может находиться дискета. Давай, Мелани, разберись со своим проклятым мужем!

По голосу Майкла можно было догадаться, что у него и прежде случались подобные ссоры с Мелани.

– Ладно, твоя подача, – проворчал он. – Что ты придумаешь на сей раз?

– Я намерена переехать в горы и жить там постоянно. Я живу с Пастором и его людьми.

– Где?

На этот вопрос ответил сам Пастор. Он не хотел, чтобы Майкл знал, где их искать.

– В округе Дель-Норте.

Он назвал местность в северной части Калифорнии, знаменитую калифорнийским мамонтовым деревом. На самом деле коммуна располагалась в округе Сьерра, в предгорьях Сьерра-Невады, возле восточной границы штата. Обе территории находились довольно далеко от Беркли.

Майкл пришел в ярость:

– Ты не можешь увезти Дасти на сотни миль от отца!

– У меня очень уважительная причина, – настаивала на своем Мелани. – За последние пять недель у Дасти не было ни одного приступа аллергии. В горах ему хорошо, Майкл. Наверное, дело в чистом воздухе и воде.

Это Майкла не убедило.

– Людям с аллергией следует жить в пустыне, а не в горах.

– Только не нужно говорить мне о людях! – вспыхнула Мелани. – Я не могу отправиться в пустыню – у меня нет денег. Это единственное место, которое я могу себе позволить, и я точно знаю, что там Дасти не будет болеть!

– Пастор оплачивает твоё жильё?

Ну давай, задница, оскорбляй меня, говори так, словно меня здесь нет; а я буду трахать твою сексуальную жену.

– Это коммуна, – ответила Мелани.

– Господи, Мелани, с кем ты связалась теперь? Сначала наркоман гитарист...

– Подожди минутку, Блейд не был наркоманом...

– ...а теперь забытая Богом коммуна хиппи!

Мелани настолько погрузилась в ссору с мужем, что забы-

ла, зачем они пришли.

Дискета, Мелани, проклятая дискета!

Пастор решил вмешаться еще раз:

– Почему бы вам не спросить у Дасти, что он думает по этому поводу?

– Я так и сделаю.

Мелани бросила на Пастора взгляд, полный отчаяния. Он не обратил на него никакого внимания.

– Дасти сидит в моей машине.

Майкл покраснел от гнева.

– Ты оставила моего сына в машине?

– С ним все в порядке, он не один, там моя собака, – добавил Пастор.

Майкл бросил на Мелани взгляд, полный гнева.

– Проклятие, Мелани, что с тобой происходит? – выкрикнул он.

– Почему бы вам не спуститься и не привести его сюда?

– Мне не требуется твоего вонючего разрешения, чтобы привести в мой дом собственного сына. Давай ключи от машины.

– Она не закрыта, – кротко ответил Пастор.

Майкл выскочил из квартиры.

– Я же просила не говорить ему, что Дасти остался в машине! – заорала Мелани. – Зачем ты это сделал?

– Чтобы он вышел из комнаты, – спокойно ответил Пастор. – А теперь бери дискету.

– Но ты вывел его из себя!

– Он и без меня разозлился! – возразил Пастор.

Нет, так ничего не получится. Она слишком напугана, чтобы сделать то, что необходимо. Пастор встал, взял Мелани за руки, заставил подняться и посмотрел на нее Взглядом.

– Ты не должна его бояться. Теперь ты со мной. Я о тебе позабочусь. Успокойся. Произнеси мантру.

– Но...

– Произнеси.

– Лэт ху, дэт су.

– Повторяй.

– Лэт ху, дэт су. – Мелани немного успокоилась.

– А теперь возьми дискету.

Мелани кивнула. Продолжая повторять мантру, она склонилась над рядом стоящих на полке устройств. Нажала на какую-то кнопку, и из щели выскочил плоский пластиковый квадратик.

Пастор и раньше замечал, что в мире компьютеров «дискеты» всегда имеют форму квадрата.

Мелани открыла сумочку и вытащила похожую дискету.

– Черт! – пробормотала она.

– Что случилось? – с тревогой спросил Пастор.

– Он поменял марку дискет!

Пастор посмотрел на дискеты. Они показались ему одинаковыми.

– А в чем разница?

– Смотри, у меня «Сони», а у Майкла «Филипс».

– Он заметит?

– Возможно.

– Проклятие!

Майкл не должен был узнать о краже информации.

– Он начнет работать, как только мы уйдем, вынет дискету и поменяет ее на ту, что спрятана в огнеупорном ящике. Если он посмотрит на нее, то сразу поймет, что это другая дискета.

– И обязательно свяжет исчезновение дискеты с нашим появлением.

Пастор почувствовал, как его охватывает паника – ничего не получалось.

– Я могу купить «Филипс» и зайти к нему в другой раз, – предложила Мелани.

Пастор покачал головой:

– Я не хочу делать это еще раз. А вдруг опять что-нибудь случится, у нас уже не осталось времени. Срок истекает через три дня. У него есть запасные дискеты?

– Должны быть. – Мелани огляделась. – Иногда дискеты портятся. Интересно, где он может их хранить?

Она стояла посреди комнаты, беспомощно озираясь по сторонам.

Пастору хотелось кричать от разочарования. Он боялся, что такой замечательный план не удастся реализовать из-за какой-то мелочи. Мелани окончательно потеряла самообла-

дание, у них оставалось всего несколько минут. Он должен ее быстро успокоить.

– Мелани, – заговорил он, стараясь, чтобы его голос звучал спокойно и уверенно, – у тебя в руках две дискеты. Положи их в свою сумочку.

Она автоматически повиновалась.

– Теперь закрой сумочку.

Она закрыла.

Пастор услышал, как хлопнула входная дверь, возвращался Майкл. Пастор почувствовал, как по спине стекла струйка пота.

– Подумай: когда вы жили вместе, у Майкла был стеной шкаф?

– Да. Точнее, обычный шкаф.

– Ну? – *Проснись, девочка!* – Где он теперь?

Она показала на дешевый белый комод у стены.

Пастор вытащил верхний ящик и увидел пакет желтых салфеток, набор дешевых шариковых ручек, две пачки бумаги, конверты – и открытую коробку с дискетами.

Он услышал голос Дасти. Ему показалось, что он доносится из вестибюля на первом этаже.

Дрожащими пальцами Пастор вытащил дискету из коробки и протянул Мелани:

– Подойдет?

– Да, это «Филипс».

Пастор закрыл ящик.

В комнату вошел Майкл с Дасти на руках.

Мелани застыла посреди комнаты, сжимая в руке дискету.

Ради Бога, Мелани, сделай что-нибудь!

– Знаешь, папа, я совсем не чихаю в горах, – между тем говорил Дасти.

Все внимание Майкла было сосредоточено на сыне.

– В самом деле? – спросил он.

Мелани пришла в себя. Когда Майкл наклонился, чтобы посадить Дасти на диван, она засунула дискету в дисковод. Машина слегка загудела и втянула в себя дискету, как змея проглатывает крысу.

– Ты не чихаешь? – удивленно спрашивал Майкл. – Совсем не чихаешь?

– Нет.

Мелани выпрямилась, Майкл не заметил, что она сделала.

Пастор закрыл глаза. Его охватило огромное облегчение. У них получилось. Они сумели похитить информацию – и Майкл ни о чем не догадается.

– А ты не чихаешь из-за собаки? – спросил Майкл.

– Нет. Призрак чистая собака. Пастор заставляет его мыться в ручье, а потом Призрак выходит из воды и встряхивается – и тогда кажется, что идет дождь!

Дасти довольно рассмеялся.

– Это правда? – спросил отец.

– Ну я же говорила тебе, Майкл.

Ее голос слегка дрожал, но Майкл ничего не замечал.

– Ладно, ладно, – примирительным тоном сказал он. – Если Дасти действительно лучше в горах, мы обязательно что-нибудь придумаем.

Мелани облегченно вздохнула.

– Спасибо.

Пастор позволил себе слегка улыбнуться. Все закончено. Они сделали очень важный шаг вперед.

Теперь нужно молить всех богов, чтобы с компьютером Майкла ничего не произошло. Потому что тогда он попытается прочесть информацию с дискеты и обнаружит, что она пуста. Однако Мелани говорила, что подобные вещи случаются очень редко. Вечером Майкл вновь запишет результаты на дискету, а завтра уже будет невозможно установить, что кто-то подменил диск.

– Что ж, ты пришла меня предупредить, – сказал Майкл. – Я это оценил.

Пастор знал, что Мелани предпочла бы поговорить с мужем по телефону, однако ее переезд в коммуны стал прекрасным поводом для визита к Майклу. Если бы они с Мелани навестили Майкла просто так, у ее мужа могли возникнуть подозрения. Но теперь он не станет спрашивать, зачем они приходили.

Впрочем, Пастор понял, что Майкл не склонен к подозрениям. Он был умным, но бесхитростным. Профессор не умел заглядывать в души других людей, не знал, что происходит в их сердцах.

А вот Пастор владел этим искусством в совершенстве.

– Я постараюсь почаще привозить Дасти, чтобы вы могли встречаться.

Пастор видел, что у Мелани на сердце. Теперь, когда Майкл дал ей то, что она хотела, она могла быть с ним милой – склонив голову, она улыбалась, но больше его не любила.

Майкл же сердился на Мелани за то, что она его бросила, тут не оставалось никаких сомнений. Однако он все еще о ней заботился и любил ее. В душе он хотел, чтобы она вернулась. Ему бы следовало попросить Мелани, но ему мешала гордость.

Пастор почувствовал укол ревности.

Я ненавижу тебя, Майкл.

4

Во вторник утром Джуди проснулась рано.

Интересно, есть ли у меня еще работа, подумала она. Вчера она сказала, что уходит из Бюро. Но тогда ею владели обида и разочарование. Сегодня она уже не сомневалась, что не хочет уходить из ФБР. Перспектива всю жизнь защищать преступников, вместо того чтобы их ловить, не вдохновляла. Не опоздала ли она? Вчера вечером Джуди оставила на столе Брайана Кинкейда записку. Примет ли он ее извинения? Или будет настаивать на увольнении?

Бо вернулся домой в шесть утра, и она подогрела для него

немного пхо – супа с лапшой, который вьетнамцы едят на завтрак. Потом надела свой лучший голубой костюм с короткой юбкой от Армани. В удачные дни она выглядела в нем утонченной, авторитетной и сексуальной.

Если меня уволят, то пусть хотя бы увидят, чего лишаются.

Джуди сильно нервничала, пока ехала на работу. Припарковала машину в подземном гараже и на лифте поднялась на этаж, где располагался офис ФБР. Джуди сразу направилась в кабинет Кинкейда.

Брайан Кинкейд сидел за большим письменным столом в белой рубашке и красных подтяжках.

– Доброе утро, – взглянув на Джуди, холодно поздоровался он.

– Добр... – У нее пересохло во рту, она сглотнула и начала снова: – Доброе утро, Брайан. Вам передали мою записку?

– Да, передали.

Он явно не собирался облегчать ей жизнь.

Джуди не знала, что еще сказать, поэтому молча смотрела на Кинкейда и ждала.

– Твои извинения принимаются, – наконец сказал он.

Джуди почувствовала слабость и огромное облегчение.

– Благодарю вас.

– Ты можешь перенести свои вещи в отдел по борьбе с местным терроризмом.

– Хорошо.

Возможны и худшие повороты судьбы.

В отделе по борьбе с местным терроризмом работали несколько человек, с которыми у Джуди сложились хорошие отношения. Она начала расслабляться.

– Сразу же принимайся работать с «Молотом Эдема». Нам нужно дать ответ губернатору, – сказал Кинкейд.

Джуди удивилась:

– Вы встречались с губернатором?

– С его помощником. – Кинкейд взглянул на лежащий у него на столе листок. – Мистер Альберт Ханимум.

– Я слышала о нем.

Ханимум был правой рукой губернатора.

«Молот Эдема» получил высокий статус, сообщила Джуди.

– Доложишь мне завтра вечером.

Слишком мало времени, чтобы что-нибудь выяснить, в особенности если учесть, что у нее почти нет информации. Завтра среда.

– Но срок ультиматума истекает в пятницу.

– Встреча с Ханимуном назначена на среду.

– Я постараюсь выяснить что-нибудь конкретное.

– Ты сможешь все рассказать ему сама. Мистер Ханимум настаивает на встрече с агентом, который ведет расследование. Мы должны быть в офисе губернатора в Сакраменто ровно в полдень.

– Вот это да. Хорошо.

– Вопросы?

Джуди покачала головой.

– Я немедленно приступаю.

Она вышла, довольная тем, что не потеряла работу, но смущенная предстоящим докладом помощнику губернатора. Едва ли за это время она успеет поймать людей, угрожающих землетрясением, значит, обречена на неудачу.

Джуди собрала свои вещи и отнесла их в отдел по борьбе с местным терроризмом. Ее новый начальник, Мэтт Питерс, показал Джуди письменный стол. Она знала всех агентов, и они поздравили ее с победой в деле братьев Фунг. Впрочем, без особого энтузиазма – все слышали о вчерашней стычке с Кинкейдом.

Питерс отдал в ее распоряжение молодого агента для работы над делом «Молота Эдема». Его звали Раджа Кан. Двадцатилетний индус был специалистом по переговорам, к тому же успел получить Эм-Би-Эй⁴. Джуди с радостью приняла его назначение. Хотя ему и не хватало опыта, Раджа обладал умом и проницательностью.

Она ознакомила его с материалами досье и отправила в «Зеленую Калифорнию».

– Веди себя доброжелательно, – попросила Джуди. – Скажи, что мы не верим в их причастность, но должны в этом убедиться.

– Что мне искать?

⁴ Степень магистра по управлению торгово-промышленной деятельностью.

– Пару: мужчину – рабочего лет сорока пяти, возможно, неграмотного, и образованную женщину лет тридцати, которая находится под его влиянием. Однако не думаю, что тебе удастся их найти. Задача представляется мне непростой.

– И в таком случае?

– Собрать имена всех представителей организации, состоящих в штате или добровольцев, и пропустить их через компьютер, чтобы выяснить, нет ли у кого-нибудь криминального прошлого или участия в подрывной деятельности.

– Понятно, – кивнул Раджа. – А чем будете заниматься вы?

– Постараюсь узнать о землетрясениях.

* * *

Джуди довелось пережить землетрясение.

Тогда катаклизм в Санта-Розе нанес урон в шесть миллионов долларов – не такой уж большой – и ощущался на сравнительно незначительной территории в двенадцать тысяч квадратных миль. Семья Мэддоксов жила в округе Марин, к северу от Сан-Франциско, и Джуди училась в первом классе. Теперь она знала, что толчки были слабыми. Но шестилетней Джуди казалось, что наступил конец света.

Сначала раздался шум, словно приближался поезд. Джуди сразу же проснулась и начала озираться по сторонам, пытаясь найти источник шума в залитой лучами рассветного

солнца спальне. Ей стало ужасно страшно.

Потом дом начал трястись. Люстра с розовым абажуром раскачивалась как безумная. Лежащие на прикроватной тумбочке «Лучшие волшебные сказки» подскакивали в воздух так, словно книга вдруг ожила, а потом взяла и раскрылась на сказке «Мальчик с пальчик», которую ей вечером читал Бо. Расчески и игрушечная косметика отплясывали на туалетном столике, как игрушки из сказки. Тут только Джуди закричала:

– Папочка!

Она услышала, как в соседней комнате выругался отец, а потом со стуком опустил на пол ноги. Шум и тряска усилились, вскрикнула мать. Бо подошел к двери Джуди и повернул ручку, но дверь не открылась. Она услышала новый удар – Бо навалился на дверь плечом, но у него опять ничего не вышло.

Разбилось окно, осколки полетели внутрь и упали на стол, где была аккуратно сложена ее школьная одежда: серая юбка, белая блузка, зеленый свитер, светло-голубое нижнее белье и белые носки. Деревянная лошадь раскачивалась так сильно, что упала на кукольный домик, разбив миниатюрную крышу; и Джуди поняла, что с такой же легкостью может сломаться и крыша их дома. Висевшая на стене фотография розовощекого мексиканского мальчика в рамке сорвалась и стукнула ее по голове. Она закричала от боли.

И тут сдвинулся с места и зашагал комод.

Старый сосновый комод купила ее мать на дешевой распродаже и выкрасила в белый цвет. В нем было три ящика, и он стоял на коротких ножках, которые заканчивались львиными лапами. Сначала он нетерпеливо пританцовывал на месте, а потом принялся неуверенно шаркать, как человек, не решающийся войти в дом. Наконец он двинулся к Джуди.

Девочка снова закричала.

Дверь в спальню задрожала – Бо попытался ее сломать.

Комод наступал на Джуди. Она надеялась, что ковер заставит его остановиться, но комод своими львиными лапами оттолкнул его в сторону.

Кровать тряхнуло так сильно, что Джуди упала на пол.

Комод подошел к ней и остановился в нескольких дюймах. Средний ящик открылся, словно пасть, готовая ее проглотить. Она закричала изо всех сил.

Дверь разломалась на куски, и в комнату влетел Бо.

И тут землетрясение закончилось.

Даже тридцать лет спустя Джуди помнила ужас, который ее охватил, когда окружающий мир начал разваливаться на части. С тех пор она много лет спала с открытой дверью в спальню и боялась землетрясений. В Калифорнии мелкие землетрясения случаются часто, но она так и не привыкла к ним. Всякий раз, когда Джуди чувствовала, что у нее под ногами содрогается земля, или видела по телевизору, как ру-

шатся здания, ужас, точно наркотик, проникал в ее кровь. Она не боялась, что ее раздавит или она сгорит, – то была слепая паника маленькой девочки, чей мир внезапно начал рушиться.

Она все еще нервничала вечером того же дня, когда входила в изысканный зал ресторана «Маса», одетая в черное шелковое облегающее платье. Шею Джуди украшало жемчужное ожерелье, которое Дон Райли подарил ей на Рождество, когда они жили вместе.

Дон заказал белое бургундское, которое называлось «Кортон Шарлемань», и выпил почти всю бутылку: Джуди любила пикантный вкус бургундского, но старалась не пить много, когда в сумочке лежит полуавтоматический пистолет, заряженный патронами девятимиллиметрового калибра.

Она рассказала Дону, что Брайан Кинкейд принял ее извинения и позволил забрать заявление об отставке.

– А ему ничего другого и не оставалось, – ответил Дон. – Отказ был бы равносителен твоему увольнению. И он бы выглядел ужасно, если бы в первый же день своей работы потерял одного из лучших агентов.

– Возможно, ты прав, – ответила Джуди, которая считала, что Дон слишком легко отнесся к случившемуся.

– Конечно, я прав.

– Не забывай, Брайан – ПМЗ.

Что значило: «поцелуй меня в задницу», иными словами, человек, о котором идет речь, успел заработать себе такую

приличную пенсию, что может в любой момент подать в отставку.

– Да, у него есть гордость. Представь себе, как он объясняет начальству причины твоего увольнения. «Она сказала мне: “Пошел ты в задницу”». А Вашингтон ему в ответ: «Ты что, священник? Слова “задница” никогда не слышал?» Вот так-то. – Дон покачал головой. – Кинкейд выглядел бы как глупая девка, если бы отказался принять твои извинения.

– Наверное.

– В любом случае я очень рад, что скоро мы вновь будем работать вместе. – Он поднял свой бокал. – Выпьем за союз Райли и Мэддокс.

Джуди чокнулась с Доном и сделала пару глотков.

За едой они еще раз обсудили подробности процесса, обратили внимание на ошибки, вспомнили неожиданные ходы, которыми им удалось удивить защиту, моменты напряжения и триумфа.

Когда они пили кофе, Дон сказал:

– Ты по мне скучаешь?

Джуди нахмурилась. Она понимала, что жестоко ответить «нет», к тому же это было бы неправдой. Но она не хотела давать ему напрасных надежд.

– Да, кое о чем я вспоминаю с сожалением, – ответила она. – Мне нравились твои шутки.

И еще ей не хватало его теплого тела по ночам, но этого она говорить не собиралась.

- Мне не хватает наших разговоров о работе.
- Теперь я беседую на эти темы с Бо.
- Его мне тоже не хватает.
- Ты ему нравишься. Он думает, что ты стал бы идеальным мужем...

– Он прав, прав!

– ...для женщины, работающей в правоохранительных органах.

Дон пожал плечами:

– Я согласен на такую формулировку.

Джуди улыбнулась:

– Возможно, вам с Бо следовало бы заключить брак.

– Ха-ха, – рассмеялся он, расплачиваясь по счету. – Джуди, я хочу тебе кое-что сказать.

– Слушаю.

– Я полагаю, что готов стать отцом.

Почему-то слова Дона рассердили Джуди.

– И что я должна сделать – закричать «ура» и расставить ноги?

Он смутился.

– Я имел в виду... ну, мне казалось, что ты хотела бы скрепить наши отношения.

– Скрепить? Дон, я просила только о том, чтобы ты перестал трахать свою секретаршу, но ты даже этого не смог!

У него на лице появилось подавленное выражение.

– Ладно, не злись. Я только хотел сказать, что изменился.

– И ты думаешь, я с радостью прибегу обратно, словно ничего не случилось?

– Наверное, я до сих пор тебя не понимаю.

– Ты никогда и не поймешь. – Огорченный вид Дона заставил Джуди смягчиться. – Пойдем, я отвезу тебя домой.

Когда они жили вместе, после обеда в ресторане всегда она вела машину.

Они уходили из ресторана в неловком молчании. В машине Дон сказал:

– Я думал, мы можем хотя бы поговорить... – Адвокат взялся за дело.

– Мы можем поговорить.

Но как я могу тебе сказать, что мое сердце остыло?

– То, что произошло с Паулой... Я совершил самую ужасную ошибку в своей жизни.

Джуди вздохнула, она ему поверила. Она прекрасно понимала, что Дон не пьян, просто алкоголь помог высказать то, что у него на сердце. Она хотела, чтобы он был счастлив. Дон ей нравился, она не собиралась причинять ему боль. Да и сама Джуди сильно переживала их разрыв. Какая-то часть ее души была готова дать Дону то, в чем он так нуждался.

– У нас было немало хорошего, – сказал он и погладил ее бедро сквозь шелк платья.

– Если будешь прикасаться ко мне, пока я веду машину, я вышвырну тебя вон.

Он знал, что она не бросает слов на ветер.

– Как скажешь, – пробормотал он, убирая руку.

Джуди тут же пожалела о своей резкости. Не так уж и неприятно, когда мужская рука лежит на твоём бедре. Дон не был величайшим в мире любовником – ему не хватало воображения. Однако уж лучше Дон, чем одиночество, а с тех пор, как Джуди от него ушла, она оставалась одна.

Почему у меня никого нет? Я не хочу состариться в одиночестве. Может быть, со мной что-то не так?

Проклятие, нет.

Через минуту она остановилась возле его дома.

– Спасибо, Дон, – сказала она. – За отличную совместную работу и прекрасный обед.

Он наклонился, чтобы ее поцеловать. Она подставила щеку, но он поцеловал ее в губы. Джуди не хотела устраивать скандал и не стала сопротивляться. Поцелуй получился долгим. Наконец она отвернулась.

– Зайди ненадолго. Я сделаю кофе.

Тоска в его глазах едва не заставила Джуди согласиться. Неужели ей так уж трудно пойти? Она спрячет пистолет в его сейф, выпьет большой бокал согревающего сердце бренди и проведет ночь в объятиях человека, который ее обожает.

– Нет, – твердо сказала она. – Спокойной ночи.

Дон долго смотрел на нее с тоской в глазах. Она смутилась и отвернулась, но решения не изменила.

– Спокойной ночи, – наконец сказал он, вышел из машины и захлопнул дверцу.

Джуди отъехала. Когда она обернулась, Дон все еще стоял на тротуаре и смотрел ей вслед. Она проскочила на красный свет, свернула за угол и облегченно вздохнула. Наконец она осталась одна.

Когда Джуди вернулась домой, Бо смотрел Конана О'Брайана и смеялся.

– Этот парень всегда меня смешит, – сказал Бо.

Они смотрели его монолог, пока не пошел блок рекламы, и тогда Бо выключил телевизор.

– Сегодня я раскрыл убийство. Что скажешь?

Джуди знала, что у Бо несколько нераскрытых убийств.

– Какое именно?

– Изнасилование и убийство на Телеграф-Хилл.

– И кто убийца?

– Парень, который уже находится за решеткой. Его арестовали за приставания к молодым девушкам в парке. У меня появилось предчувствие, и я решил провести обыск у него на квартире. Мы нашли пару полицейских наручников вроде тех, что были на теле жертвы, но он все отрицал, и я никак не мог его расколоть. Сегодня я получил из лаборатории результаты теста его ДНК. Они соответствуют сперме, обнаруженной у жертвы. Я сообщил ему об этом, и он признался. Победа.

– Хорошая работа!

Джуди поцеловала его в макушку.

– А как дела у тебя?

– Ну, я сохранила работу, но моя карьера все еще под вопросом.

– Перестань, у тебя все в порядке.

– Не знаю. Если меня понизили в должности за то, что я посадила братьев Фунг за решетку, что же со мной сделают, если я потерплю неудачу?

– Тебе пришлось отступить, но это временная неудача. Обещаю, ты преодолеешь все трудности.

Джуди улыбнулась, вспомнив то время, когда она думала, будто отцу подвластно все.

– Ну, пока что я не слишком продвинулась вперед.

– Вчера ты говорила, что тебе поручили ерундовое дело.

– Сегодня у меня возникли сомнения. Лингвистический анализ показал, что эти люди опасны.

– Но они не могут устроить землетрясение.

– Не знаю.

Бо приподнял брови:

– Ты думаешь, такое возможно?

– Большую часть дня я пыталась найти ответ на этот вопрос. Я разговаривала с тремя разными сейсмологами и услышала три разных ответа.

– С учеными всегда так.

– Я хотела получить твердые гарантии, что этого не может быть. Один сказал, что такое «маловероятно», другой – что вероятность крайне мала, а третий заявил, что землетрясе-

ние можно устроить, взорвав ядерную бомбу.

– А могут ли эти люди... кстати, как они себя называют?

– «Молот Эдема».

– У них есть какое-нибудь ядерное устройство?

– Такой вариант нельзя исключать. Они достаточно умны и серьезны. Но зачем им говорить о землетрясении? Почему бы не угрожать нам ядерной бомбой?

– Верно, – задумчиво проговорил Бо. – Угроза не менее страшная и куда более правдоподобная.

– Кто знает, как рассуждают эти люди?

– Каким будет твой следующий шаг?

– Я должна встретиться еще с одним сейсмологом, Майклом Керкусом. Все в один голос утверждают, что Майкл «белая ворона», однако он считается ведущим специалистом по землетрясениям.

Джуди уже попыталась проконсультироваться с Керкусом. Днем она заехала к нему и позвонила в дверь. Он сказал, что ей следует заранее договориться о встрече.

– Возможно, вы меня не расслышали, – сказала Джуди. – Я из ФБР.

– Из чего следует, что вам не нужно ни о чем договариваться заранее?

Джуди тихонько выругалась. Она служила в правоохранительных органах, а не занималась заменой оконных рам.

– Большинство людей полагают, что ФБР следует оказывать всяческое содействие, – заявила она через переговорное

устройство.

– Вовсе нет, – ответил он. – Просто люди ужасно вас боятся, вот почему они готовы разговаривать с представителями ФБР без предварительной договоренности. Позвоните мне. Мой телефон есть в справочнике.

– Я пришла к вам по вопросу, связанному с общественной безопасностью, профессор. Мне сказали, что вы эксперт, который располагает важнейшей информацией, необходимой для защиты жизни людей. Я сожалею, что не позвонила заранее, но сейчас я здесь, и буду весьма признательна, если вы уделите мне несколько минут.

Ответа не последовало, и Джуди поняла, что он прервал связь.

Она вернулась в офис вне себя от ярости. Обычно агенты не договаривались о встречах заранее. Она предпочитала заставить людей врасплох. Почти все, с кем ей приходилось иметь дело, что-то скрывали. Чем меньше времени у них на подготовку к беседе, тем больше вероятность, что они совершат ошибку. Но Керкус совершенно прав – она не должна была навязывать ему свое общество.

Подавив гордость, она позвонила ему и договорилась о встрече на завтра.

Джуди решила не рассказывать об этом Бо.

– Мне нужно, чтобы кто-нибудь объяснил мне основы сейсмологии так, чтобы я сама поняла, может ли террорист устроить землетрясение или нет.

– А еще найти тех, кто скрывается за названием «Молот Эдема» и посадить их за угрозы. Удалось продвинуться вперед?

Джуди покачала головой.

– Я направила своего человека в «Зеленую Калифорнию». Однако ни один из ее членов не отвечает описанию гипотетических преступников, ни у кого нет криминального прошлого. Никто не вызывает ни малейших подозрений.

Бо кивнул:

– Преступники редко сообщают правду о своем местонахождении. Но тебе не стоит отчаиваться, ты занимаешься ими всего полтора дня.

– Верно, но до истечения объявленного ими срока осталось два дня. А в среду мне необходимо быть в Сакраменто с докладом помощнику губернатора.

– Тогда начни завтра пораньше, – посоветовал Бо, вставая с дивана.

Они поднялись наверх. Джуди остановилась перед дверью в свою спальню.

– Помнишь то землетрясение, когда мне было шесть лет?

Он кивнул.

– Оно было небольшим по калифорнийским стандартам, но ты ужасно испугалась.

Джуди улыбнулась:

– Я думала, наступил конец света.

– Наверное, дом слегка сместился, и дверь в твою спальню

заклинило. Я едва не сломал плечо, когда ее высаживал.

— А я подумала, что ты остановил землетрясение. И верила в это много лет.

— А потом ты долго боялась того проклятого комода, который так нравился маме. Ты не хотела, чтобы он оставался в доме.

— Я решила, что он хочет меня сожрать.

— Кончилось тем, что я разрубил его на дрова. — Неожиданно Бо погрузстнел. — Как жаль, что те годы прошли и я больше не могу их прожить.

Джуди знала, что он думает о ее матери.

— Да, — тихо ответила она.

— Спокойной ночи, Джуди.

— Спокойной ночи, Бо.

Утром в среду по дороге в Беркли через Бэй-бридж Джуди размышляла о том, каким окажется Майкл Керкус. Его раздражающая манера разговаривать нарисовала в ее воображении сварливого профессора, сутулого и небрежного в одежде, который угрюмо смотрит на мир через сползающие на нос очки. Или он предстанет перед Джуди в образе богатого лентяя в костюме из ткани в тонкую полоску, очаровательно с людьми, способными дать денег для университета, и сохраняющего презрительное равнодушие ко всем остальным.

Джуди оставила автомобиль в тени магнолии на авеню Евклида. Когда она нажала на кнопку звонка, у нее вдруг воз-

никло ощущение, что он может вновь не пустить ее на порог. Но стоило ей назвать свое имя, как дверь отворилась. Она поднялась на второй этаж. Дверь в квартиру оказалась открытой. Джуди вошла. Квартира была маленькой и дешевой: наверное, его бизнес не приносил больших денег. Она пересекла прихожую и вошла в кабинет-гостиную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.